

Колдовские

Миры

ДВЕ СЕСТРЫ ЧЕСТЬ РОДА

ЕЛЕНА МАЛИНОВСКАЯ

Говорят, родственников не выбирают. Кому, как не мне, Хлое Этвуд, знать, насколько это утверждение верно! Мало мне было сестры, которая умеет разговаривать с призраками, так на мою несчастную голову совершенно неожиданно свалился сводный брат. Интересно, что ему могло от нас понадобиться, особенно если учесть, что мы никогда не ладили? А еще рядом замаячила тень несносного мага Лукаса, с которым так неожиданно и, прямо скажем, не по своему желанию я рассталась полгода назад. И интуиция подсказывает, что все это каким-то образом связано и предвещает мне новое опасное приключение.

Елена Малиновская

Две сестры. Честь рода

Часть первая. Западня

Мой сад пылал всеми оттенками багрянца. Я сидела на крыльце, укутавшись в теплую вязаную шаль, и не спеша, с наслаждением попивала почти остывшее какао, меланхолично наблюдая за осенним листопадом, заметающим палисадник разноцветной метелью. И не скажешь даже, что всего час назад трудолюбивая Герда при помощи моей неутомимой сестренки Анны тщательно подмела от опавшей листвы дорожку, ведущую от калитки к дому.

Подул легкий ветерок, наполненный ароматами прелой травы и далеких костров. Деревья затрепетали, и в воздух вновь взметнулся красно-оранжевый шуршащий вихрь.

Я лениво откинулась на спинку старого, продавленного, но такого удобного кресла, не в силах удержаться от печальной улыбки. Осень всегда навевала на меня странное настроение. С одной стороны, мне было жаль так стремительно промчавшегося жаркого лета, наполненного бесконечными хозяйственными хлопотами по приведению старого дома в порядок. Но с другой стороны, я очень любила эти минуты торжественной тишины, когда все в природе словно замирало в преддверии долгой снежной зимы. От щемящей грусти хотелось плакать, но я прекрасно понимала, что иначе не придет и весна. И потом, мне нравилось осеннее ненастье. Совсем скоро зарядят бесконечные дожди. Старый дом будет скрипеть под ударами непогоды, а значит, вечера перед жарко растопленным камином станут еще уютнее. Что может быть лучше в такую погоду, чем чашечка горячего шоколада, теплый пушистый плед и интересная книжка?

Имелось и еще одно обстоятельство, из-за которого я с особенным нетерпением ждала прихода осени в этом году, — завещание моей прабабушки, Элизы Этвуд. Сегодня было одиннадцатое октября одна тысяча пятьсот девятого года. А значит, уже завтра я стану полновластной хозяйкой дома и прилагающегося к нему немалого состояния, поскольку минуют оговоренные в завещании полгода, которые необходимо было провести в Аерни. Не скажу, что выполнение этого условия оказалось очень сложным для меня. Шесть месяцев пролетели как один день. Конечно, мой приезд в этот городок ознаменовался не самыми счастливыми событиями, и я тогда всерьез подумывала о торопливом бегстве куда глаза глядят, так как слишком сильно меня напугало происходящее здесь. Но, хвала Бригиде, все разрешилось наилучшим образом. Проклятье рода Этвуд, к моему величайшему счастью, оказалось лишь выдуманной страшилкой. И с тех пор никакие призраки или демоны не беспокоили ни меня, ни мою сестру, ни наших друзей. Правда, последним пришлось смириться с тем, что по вполне понятной причине их никогда не приглашали зайти в дом, а я, в свою очередь, привыкла к тому, что в любой момент в гости без предупреждения могли нагрянуть Гилберт и Габриэль. Сама ведь некогда предупредила их, что если они отныне рискнут прежде постучаться и попросить дозволения войти, то я окачу их освященной в храме водой, подумав, что бедняги стали жертвами очередного демона.

Существовала лишь одна вещь, которая была способна испортить мое настроение: навязчивые воспоминания о Лукасе Одли. Что скрывать, первые месяцы я постоянно ждала его возвращения. Днем было легче. Мысли о нем отступали под натиском ежедневных проблем, требующих немедленного разрешения. А вот ночью начинался настоящий кошмар. Несмотря на усталость, я подолгу не могла уснуть. Постель словно жгла огнем, и я крутилась волчком, не в силах найти удобного положения и лишь ненадолго замирая. Хорошо еще, что

к тому моменту Анна уже перебралась в отдельную комнату, поэтому моя бессонница не мешала ей отдыхать. Я же драгоценные часы ночного спокойствия тратила на бесконечные сетования и переживания. Вернется ли Лукас и если да — то когда именно? Почему он даже не простился со мной? Скучает ли он хоть немного обо мне?

Стоит ли говорить, что после такого отдыха я вставала с кровати еще более уставшей и раздраженной, чем ложилась. Видимо, темные круги под глазами и постоянное отсутствие аппетита в какой-то момент стали слишком заметны окружающим, поэтому однажды Герда вызвала меня на откровенную беседу по душам. Правда, говорила в основном она, а я лишь слушала, повинно склонив голову. По ее словам выходило, что я мучаюсь и переживаю совершенно зря. Да, Лукас некрасиво поступил со мной, уехав прочь без объяснений причин своему поступку. Но это не значит, что я должна страдать. Рано или поздно, но он обязательно поймет, какую глупость совершил. И его самолюбие сильно пострадает, если он узнает, что я все это время наслаждалась жизнью, даже не думая утопать в слезах. Мужчины так устроены, что покорная и вялая добыча им совершенно неинтересна. Они охотники в первую очередь. Так почему я так быстро признала свое поражение? Если Лукас вернется и застанет меня в столь плачевном состоянии, то наверняка восторжествует, уверовав, будто является единоличным властителем моих дум. А значит, он поймет, что имеет полное право поступать со мной так и впредь, поскольку я все равно покорно проглочу любую его выходку. Не лучше ли будет, если Лукас не узнает о моих слезах? Ведь тогда придет черед волноваться уже ему, поскольку у молодой и красивой девушки, которая к тому же вот-вот станет наследницей огромного состояния, ухажеров всегда будет в избытке.

Нельзя сказать, будто слова Герды сильно приободрили меня. Но во мне неожиданно выиграла гордость. Действительно, а с какой стати я страдаю по мужчине, который, наверное, уже давным-давно забыл обо мне? Конечно, неприятно осознавать, что я была лишь незначительным эпизодом в бурной и полной приключений жизни Лукаса, ну что же. Будет мне урок на будущее. У меня тоже есть своя жизнь, и я совершенно не собираюсь тратить ее на бесплодные переживания!

Я бы слукавила, если бы призналась в том, что мне моментально удалось забыть о Лукасе. Конечно же, нет. Были и еще приступы слезного отчаяния, но свидетелем их становилась лишь моя подушка. На людях я не позволяла себе больше подобных слабостей. Тяжелее всего пришлось в борьбе с бессонницей. И опять меня выручила умница Герда, которая однажды принесла от местной травницы тяжеленную бутылку какого-то лекарственного настоя с резким и горьким запахом полыни. Всего несколько капель этого чудодейственного средства, добавляемых в вечерний чай, позволяли мне уснуть сразу, как только голова касалась подушки. И мало-помалу я начала забывать Лукаса. Верно говорят, что время лечит. Теперь при воспоминаниях о нем я чувствовала лишь легкую грусть и досаду, но не более.

Тяжело вздохнув, я одним глотком допила какао, остатки которого еще плескались в чашке. Поставила ее на стол и встала, намереваясь вернуться в дом. Несмотря на солнечную погоду, во дворе было по-осеннему свежо, и я немного озябла. Что же, пойду отогреться к камину. А заодно проверю, чем заняты Анна и Герда.

Я сделала всего шаг к двери, как услышала тихий скрип калитки, и остановилась.

— Хлоя? — негромко окликнули меня в следующее мгновение.

От этого мужского голоса мне стало больно дышать. Колени затряслись так сильно, что я судорожно схватилась за спинку кресла, опасаясь упасть. Затем я очень медленно

обернулась, отчаянно молясь Бригиде, чтобы все это оказалось лишь наваждением.

Но нет, небеса остались глухи к моей мольбе. Около крыльца стоял высокий и неестественно худой молодой человек с белесыми волосами и рыбьими прозрачными глазами навыкате. Вильгельм Мюррей, мой сводный брат собственной персоной.

— Хлоя, — уже утвердительно повторил он и неспешно поднялся по ступенькам крыльца. Остановился всего в шаге от меня, заложил большие пальцы за широкий кожаный ремень и с любопытством оглядел меня с ног до головы и обратно, после чего проговорил: — Рад видеть тебя в добром здравии.

Я поборола постыдное желание развернуться и сбежать в дом, где первым делом крепко-накрепко заперлась бы на все возможные замки и засовы и не выходила бы, пока незваный гость не отправился бы восвояси. Что ему надо здесь? Сердце больно закололо от дурного предчувствия. Сдается мне, что ничего хорошего от неожиданного визита так называемой родни лучше не ждать.

— Вильгельм, — медленно произнесла я, отчаянно соображая, как поступить в этой ситуации. — Каким ветром тебя занесло в наши края?

— Это долгий разговор, — уклончиво ответил тот. Неумело растянул губы в странной гримасе, должной, по всей видимости, выражать приветливую улыбку. — Быть может, пригласишь меня в дом? Там и поговорим. Все-таки не чужие люди друг другу.

Я отчетливо скрипнула зубами, вспомнив, сколько дурного перенесла по воле и милости этого так называемого «не чужого» человека. Я проводила с матерью всего неделю, от силы — две в год, остальное время вынужденная коротать в пансионе для благородных девиц, куда меня сослал отчим, чтобы, как говорится, не мозолила глаза и не напоминала о прошлом его супруги. Но и этот краткий срок Вильгельм умудрялся с легкостью превратить в настоящий кошмар, постоянно находя причины, чтобы пожаловаться на меня отцу. То не так посмотрела, то слишком громко засмеялась. Впрочем, Генриху и не требовалось особых поводов, чтобы в очередной раз наказать нелюбимую падчерицу. Одно мое существование на этом свете было уже достаточным поводом, чтобы испытывать ко мне ненависть. Вильгельм прекрасно знал отношение своего отца ко мне и умело пользовался этим. Детская жестокость порой не знает границ. Как бы я ни старалась вести себя хорошо, предугадывая любое желание родных и не показываясь лишней раз на глаза отчиму и сводному брату, — итог был один. Каждый день меня лишали сладкого, на несколько часов запирали в темной холодной комнате, да мало ли что еще.

Воспоминания о несчастливом детстве накрыли меня с головой. Я с такой силой сжала кулаки, что ногти до крови впились в ладони. Однако эта боль меня немного отрезвила, и я глубоко вздохнула, попытавшись взять разбушевавшиеся эмоции под контроль. Все хорошо, Хлоя, все отлично. Те жуткие дни навсегда миновали. Теперь никто не в силах причинить тебе вреда. Ты взрослый самостоятельный человек и совершенно не обязана поддерживать хотя бы видимость хороших отношений с теми, кто тебе омерзителен.

— Не думаю, что это хорошая идея, — медленно сказала я и с мгновенным торжеством заметила, как лицо Вильгельма после этого обиженно вытянулось. Он явно не ожидал от меня такого холодного приема, и я мстительно добавила: — Думаю, ты зря проделал столь длинный путь сюда. Я не хочу иметь ничего общего ни с тобой, ни с Генрихом. Как некогда вы вышвырнули меня из своей жизни, так теперь я желаю навсегда забыть о вашем существовании. Кстати, напомню, что в моих жилах нет ни капли общей с тобой крови, поэтому мы как раз совершенно чужие друг другу люди.

Выпалив это на одном дыхании, я круто развернулась на каблуках, намереваясь спрятаться за надежной дверью дома и дожждаться ухода Вильгельма.

— А что насчет Анны? — спросил он в мою спину, и я замерла, так и не сделав шага. — В ее жилах уж точно течет кровь рода Мюррей, нравится тебе это обстоятельство или нет. И мой отец имеет полное право в любой момент забрать дочь обратно.

От последней фразы, сказанной нарочито равнодушным тоном, меня бросило в ледяной пот.

— Генрих сам отказался от Анны! — прошипела я, готовая кинуться с кулаками на незваного гостя, если тот вдруг решит силой ворваться в дом и отобрать у меня сестру. — Он заявил, что ему не нужна в семье ведьма! Если бы не я, Анна до сих пор оставалась бы в пансионе!

— Любые планы могут измениться, — уклончиво проговорил Вильгельм. — И потом, Хлоя, я пришел не ругаться. Не вынуждай меня угрожать или иным способом давить на тебя. Давай обсудим все как взрослые люди.

— Хлоя? — неожиданно вмешался в разговор новый участник, и я с облегчением вздохнула, узнав голос Гилберта. И в самом деле, тот стоял около калитки, с интересом глядя то на меня, то на моего собеседника.

— У тебя все в порядке? — продолжил после краткой паузы он. — Никто не досаждаст?..

И с намеком уставился на Вильгельма.

Мой сводный брат не ожидал, что нашему разговору кто-нибудь помешает. Он нахмурился, скрестил на груди руки и окинул Гилберта неприязненным взглядом, видимо, надеясь, что тот смутится от столь холодного приема и поспешит удалиться. Но не на того напал, как говорится. Помнится, у Гилберта были соперники и повнушительнее. Один спор с братом Лукаса, одержимым демоном, чего стоит. Поэтому Гилберт совершенно спокойно выдержал этот своеобразный поединок. Лишь приподнял брови и выжидательно посмотрел на меня, молчаливо предлагая позволить ему разобраться с чрезмерно навязчивым гостем.

Если честно, желание наябедничать Гилберту на Вильгельма было просто-таки невыносимым. Не сомневаюсь, что приятелю не составило бы особого труда избавить меня от нежелательной компании. И несколько мгновений я всерьез раздумывала над подобной идеей, однако затем с тяжелым вздохом сожаления была вынуждена все-таки от нее отказаться. Слишком насторожила меня фраза Вильгельма о том, что Генрих может отнять у меня Анну. Как ни печально осознавать, но это является истинной правдой. Мое право опекуна заключается лишь в устном разрешении, но не оформлено должным образом на бумаге. Если отчим пожелает навредить мне столь подлым способом — сделать это не составит ему никакого труда.

— Привет, Гилберт, — поздоровалась я с другом и поспешила представить своего собеседника: — Познакомься, это мой сводный брат Вильгельм.

Брови Гилберта после моего признания взметнулись еще выше. Еще бы. Гилберт был наслышан о моих непростых отношениях с родней и тяжелом детстве. В некотором роде мы были с ним товарищами по несчастью: его тоже бросили родители в самом юном возрасте, скрывшись от кредиторов в соседней стране, поэтому детство и юность он провел с бабушкой. А моя мать ради нового выгодного замужества с легкостью отдала меня на воспитание в пансион. Впрочем, я об этом уже говорила.

— Сводный брат, значит, — медленно процедил Гилберт, даже не пытаясь скрыть

ноток враждебности в голосе. — Ну-ну. Неужели я стал невольным свидетелем счастливого воссоединения семейства?

От сарказма, слишком явственно прозвучавшего в голосе Гилберта, мой братец в мгновение ока покрылся некрасивыми багровыми пятнами смущения. Видать, все-таки осознает, что у меня нет особых причин испытывать к нему хоть малейшую симпатию.

Однако у Вильгельма хватило ума не вступать в перепалку. Вместо этого он с вызовом вздернул узкий костлявый подбородок и уставился на меня неестественно прозрачными светлыми глазами.

— Хлоя, я приехал обсудить с тобой семейные дела, — произнес Вильгельм, сделав вид, будто не услышал замечания Гилберта, преисполненного злой иронией. — Если ты не хочешь со мной разговаривать — что же, я уйду. Только учти, что со мной уйдет и Анна. Я имею полное право забрать сестру домой, и ты это прекрасно понимаешь.

Ага, вот и открытый шантаж начался. Впрочем, этого следовало ожидать, учитывая мелочный и злобный характер Вильгельма.

Гилберт удивленно присвистнул от столь ультимативного заявления. Покачал головой и принялся с нарочитой медлительностью разминать кулаки, похрустывая пальцами. Неужели в самом деле собрался силой отправить моего навязчивого брата восвояси? Боюсь, это все равно не поможет, хотя, что скрывать, самой очень хочется надавать Вильгельму тумаков. Но вряд ли он полезет в драку. Скорее, предпочтет поспешно ретироваться. А затем явится ко мне уже в сопровождении представителя королевской власти. И тогда я наверняка потеряю сестру.

— Узнаю твои повадки, — глухо пробормотала я.

Пунцовый румянец на щеках Вильгельма стал еще ярче, но он лишь премерзко ухмыльнулся. Понимает, гад, что этот козырь мне нечем бить.

— Что же, проходи. — Я отступила в сторону, открывая путь к двери. — Так и быть, поболтаем. По-родственному.

Улыбка Вильгельма стала еще шире. Он чуть склонил голову, показывая, что принимает мое предложение, и неторопливо поднялся по ступенькам.

— Гилберт, надеюсь, ты тоже не откажешься выпить с нами чашечку чая, — торопливо сказала я, обращаясь к приятелю.

Наверное, это было не совсем разумно, Вильгельм наверняка желал провести беседу наедине. Но дружеская поддержка в этот момент мне не мешает. В конце концов, в случае чего Гилберт действительно может вышвырнуть незваного гостя вон. Хотя, конечно, не хотелось бы прибегать к помощи грубой физической силы. Оставим эту меру как крайнюю.

— Не откажусь, — добродушно согласился приятель и незаметно подмигнул мне, словно говоря: не переживай, все обойдется.

Я лишь грустно поджала губы, не в силах даже улыбнуться в ответ. Ох, боюсь, что визит Вильгельма не сулит ничего хорошего ни мне, ни Анне.

* * *

Умнице Герде хватило всего лишь взгляда на нашу троицу, чтобы понять — происходит нечто неладное. Своеобразной оказалась и реакция Анны. При виде единокровного брата она побледнела и торопливо спряталась за креслом, на котором были разложены ее

нехитрые игрушки: тряпичная кукла с соломенными волосами и плюшевый медвежонок. При виде этого я лишь зло скрипнула зубами. Ага, стало быть, не только мое детство Вильгельм умудрился испортить. Анне тоже от него изрядно доставалось.

— Герда, приготовь нам чая, — попросила я свою помощницу по хозяйству и кивком указала на макушку сестры, видневшуюся из-за спинки кресла: — А заодно отведи Анну наверх. Пусть займется чтением. Или нарисует что-нибудь.

— Да, конечно, — напряженным голосом произнесла Герда, пристально всматриваясь в Вильгельма. Видно, почувствовала, что основная угроза исходит именно от него. Затем поманила к себе Анну, которая торопливо прошмыгнула от кресла под ее защиту, и быстрым шагом покинула гостиную.

— Хлоя, налить тебе вина? — Гилберт первым делом отправился к столику, где стоял графин и несколько бокалов.

Вильгельм при виде такого самоуправства многозначительно хмыкнул и укоризненно зацокал языком. Я смутилась было, но тут же взяла себя в руки и нацепила на лицо маску презрительного равнодушия. Пусть думает все, что угодно! Гилберт имеет полное право вести себя в моем доме так, как пожелает нужным.

— Спасибо, не откажусь, — сказала я и первой опустилась в кресло. Откинулась на спинку и смерила тяжелым угрюмым взглядом Вильгельма, замершего напротив.

Тот, однако, не торопился начинать обещанный разговор. Вместо этого он вальяжно прогулялся по комнате, сцепив за спиной руки и с нескрываемым любопытством изучая обстановку. Сначала подошел к книжному шкафу и неполную минуту провел около него. При этом его губы шевелились, видимо, Вильгельм читал названия стоящих на полках книг. Ну и пусть любуется, все равно ничего запрещенного или предосудительного при всем желании не найдет. Здесь представлена лишь небольшая часть коллекции, перешедшая мне в наследство от прабабушки, в основном — сентиментальные романы о нелегкой женской доле. Те фолианты, по поводу которых у гостей могут возникнуть неудобные вопросы, надежно спрятаны под замком в рабочем кабинете на втором этаже.

Затем Вильгельм прошел к камину, в котором негромко потрескивали поленья. Задрал голову и еще столько же простоял, глядя на портрет моей прабабушки — Элизы Этвуд. Потом опустил глаза, задумчиво провел рукой по полке и переставил несколько безделушек, словно проверяя — нет ли под ними пыли, достаточно ли хорошо убираются в моем доме.

Гилберт между тем вручил мне бокал слабого ягодного вина, второй такой же оставив себе. Гостю он ничего не стал предлагать. И правильно сделал, как говорится.

— Говорят, ты теперь весьма обеспеченная дама, — наконец, без предисловий начал Вильгельм. Повернулся ко мне и с непонятной враждебностью скрестил на груди руки.

Я чуть слышно вздохнула. Неужели причина его визита — неожиданно обрушившееся на мою голову наследство? В таком случае я с превеликим удовольствием дам ему столько денег, сколько он пожелает, лишь бы получить взамен оформленное должным образом опекуновство над Анной как гарантию того, что ни он, ни отчим больше никогда не появятся в нашей жизни.

— Пока еще нет, — осторожно произнесла я. — Я вступлю в наследство только завтра в полдень.

— Ах, это частности! — Вильгельм раздраженно взмахнул рукой в ответ на мое уточнение. — Суть-то от этого не меняется, не правда ли? Крошка Хлоя вот-вот станет одной из самых завидных невест Итаррии. Верно?

Гилберт от такой прямоты едва не подавился, поскольку как раз сделал глоток вина. Закашлялся и поспешил промокнуть губы салфеткой, стараясь не испачкать белоснежный воротничок рубашки, выглядывающий из-под темного шерстяного сюртука. После чего осторожно примостился на самый краешек подлокотника моего кресла.

Вильгельм не заметил этого. Он настолько жадно впился в мое лицо настойчивым взглядом, ожидая подтверждения своей фразе, что мне невольно стало не по себе. Как-то не похоже это на простой денежный интерес, который обычно пробуждается у менее обеспеченных родственников к более удачливым.

— Если считать богатство за мерило брачной состоятельности и привлекательности, то да, — сказала я, стараясь выразаться как можно более уклончиво, поскольку пока не понимала, к чему все эти туманные намеки.

— Мы с отцом волнуемся за тебя, — внезапно сменил тему разговора Вильгельм.

— Правда?! — воскликнула я, постаравшись вложить в свой тон как можно больше ядовитого удивления. — Вот уж новость так новость! Никогда раньше не волновались — и вдруг заволновались. С чего вдруг? Бойтесь, что полученное наследство плохо повлияет на меня?

— Мы беспокоимся, что ты можешь попасть в дурное общество, — поправил меня Вильгельм и многозначительно покосился на Гилберта, который с величайшим интересом слушал наш разговор. Остальную часть своей реплики мой брат произнес, не сводя взгляда с третьего участника беседы, будто намекая, что имеет в виду именно его. — Видишь ли, Хлоя, состоятельные девушки обычно привлекают к себе множество сомнительных личностей, так называемых охотников за богатыми дурочками. Тебя могут скомпрометировать, а потом потребовать выкуп за то, чтобы твое имя осталось незапятнанным. Или же ты рискуешь угодить в любовные сети какого-нибудь брачного афериста.

— А вам-то какая беда от этого? — грубо перебила его я. — Смею напомнить, что моя самостоятельная жизнь без присмотра так называемых любящих родственников началась далеко не вчера. Я уже несколько лет живу без ваших советов. И неплохо справляюсь. С чего вдруг именно сейчас вы вспомнили о моем существовании и заволновались о моем будущем?

— Очень подозрительно, — согласился со мной Гилберт. — Сдается, Хлоя, твои родственнички желают быть первыми в очереди за твоими деньгами.

Вильгельм аж переменялся в лице, услышав это. Румянец так резко схлынул с его лица, что я испугалась — не упадет ли он в обморок. Бедняга даже не побледнел — позеленел от злости. И я с любопытством подалась вперед, ожидая, что сейчас братец по своему обыкновению взорвется криком и призовет на мою голову всех демонов Альтиса. Правда, вот незадача — пожаловаться на столь вопиющее попрание норм хороших манер ему будет некому. Генрих далеко и уже не имеет надо мной никакой власти.

Однако Вильгельм сумел удивить меня. Он несколько раз хватанул открытым ртом воздух в немом возмущении, но все-таки совладал со своими эмоциями.

— Хотим мы того или нет, но твое имя всегда будет связано с родом Мюррей, — сдавленно проговорил он после короткой паузы. — И твое недостойное поведение обязательно ляжет тенью на меня и отца. Особенно на отца. Мол, это все последствия его воспитания. Ты же знаешь, что людям только дай повод посудачить. Все грехи припомнят.

— Понимаю. — Я благосклонно кивнула, но тут же жестокосердно продолжила: — Однако позволь напомнить мой вопрос: почему раньше вас это не тревожило? За прошедшие

годы у меня была масса возможностей стать настоящим позором рода Мюррей, ударившись во все тяжкие. И тем не менее вы предпочитали не вспоминать о моем существовании. Но как только узнали о наследстве, тут же спохватились. Так, получается?

На сей раз Вильгельм молчал дольше, видимо, не зная, что ответить на мой в высшей степени справедливый упрек.

— А ты изменилась, — после нескольких минут томительной тишины признал он. — Стала жестче. И куда только делась та милая домашняя девочка, которая боялась и слово поперек сказать?!

От этого риторического восклицания у меня в душе мутной волной всколыхнулась горячая ненависть. Куда делась та девочка?

— Смешной вопрос, — процедила я сквозь зубы, изо всех сил стараясь не сорваться на крик. — Ты и Генрих много лет подряд убивали во мне эту девочку. В то время, когда мои ровесники наслаждались детством и любовью родных, я училась выживать. И теперь ты смеешь ставить мне это в вину! Не нравятся плоды такого воспитания?

Вильгельм заиграл желваками, но ничего не сказал в ответ. Полагаю, ему было просто нечего возразить. Тягостно тянулись секунды безмолвия, нарушаемые лишь тиканьем часов. Вильгельм стоял напротив меня, что-то пристально разглядывая у себя под ногами.

Когда, наконец, он заговорил, его голос показался карканьем охрипшей простуженной вороны.

— Ты права, — сказал он. Откашлялся и продолжил чуть громче: — Ты во всем права, Хлоя. У тебя есть полное право ненавидеть нас. Меня нельзя назвать образцовым братом, а мой отец не сделал ни малейшей попытки заменить тебе настоящего родителя. Но нас связывает Анна, в жилах которой течет кровь как рода Этвуд, так и рода Мюррей. Мне очень неприятно тебе говорить об этом, но ты просто не оставила иного выбора. Видит небо, я пытался обойтись без угроз, но, видимо, без этого никак.

Я гулко сглотнула, чувствуя, что мы вот-вот доберемся до сути разговора. Неужели сейчас я узнаю, с какой стати сводный брат вспомнил о моем существовании? И я с такой силой впила ногтями в подлокотники кресла, что от напряжения у меня побелели костяшки пальцев.

Гилберт, почувствовав мои эмоции, положил руку мне на плечо в успокаивающем жесте. Вильгельм заметил это, и его глаза вспыхнули холодным жестоким пламенем, однако он не стал отвлекаться от основной темы разговора.

— Мой отец... — начал он, но тут же запнулся, словно какая-то фраза встала ему поперек горла. Помолчал немного и продолжил, тщательно подбирая каждое слово: — Он заболел почти сразу после смерти твоей матери. Ты вряд ли заметила его состояние в свой последний визит, поскольку была слишком занята переживаниями о судьбе Анны, и я не виню тебя в этом. Но уже тогда он чувствовал себя плохо, хотя изо всех сил бодрился, скрывая недомогание и слабость. Несмотря на все наши усилия и кучу выброшенных на целителей денег, болезнь быстро прогрессировала. И я хотел бы...

На этом моменте он замолчал, не в силах выразить какую-то мысль.

— Сочувствую, — осторожно проговорила я.

— Не лукавь. — Вильгельм криво ухмыльнулся одной половиной рта. — Я прекрасно понимаю, что ты терпеть не можешь как меня, так и моего отца. И если быть совсем уж откровенным, то и сам не в восторге от необходимости общаться с тобой. Будь моя воля — я бы никогда в жизни не приехал сюда. Предпочел бы вообще забыть как о твоём

существовании, так и о существовании Анны. Женщины рода Этвуд принесли в мою семью только боль и страдания.

— Зачем тогда ты приехал? — любопытствовала я. — Желаете, чтобы я дала денег на лечение Генриха?

— Болезнь отца, конечно, сильно пошатнула материальную обеспеченность семьи. — Вильгельм презрительно хмыкнул. — Но не до такой степени, чтобы побираться. Да, я считаю, что ты могла бы принять какое-нибудь участие хотя бы в благодарность за годы обучения в пансионе, целиком и полностью оплаченные отцом. Но он наистрожайше запретил мне упоминать об этом. Поэтому нет, Хлоя, я приехал по другому поводу. Я бы хотел, чтобы ты и Анна приехали в имение Мюррей. Да, отец никогда не баловал тебя, порой поступал даже жестко, однако ни ты, ни Анна не можете упрекнуть его в том, что вас бросили на произвол судьбы. Ты получила достойное образование, Анне причитается небольшое прижизненное содержание.

Я опустила голову, пряча в тени грустную улыбку. Да, в какой-то степени Вильгельм прав. Генрих не заменил мне родного отца, даже не попытался сделать этого, но он и не был чудовищем по отношению ко мне. Так что в этом плане упрекнуть его тяжело. Он никогда не скрывал, что не в восторге от свалившейся на голову обузы в виде падчерицы, но выполнял свои обязанности отчима добросовестно. Что же насчет Анны... Думаю, если бы не ее пугающий дар видеть призраков и разговаривать с мертвыми, то он бы обязательно полюбил ее.

Однако эти рассуждения не вернут мне испорченного детства, когда я мечтала хотя бы на миг, но почувствовать заботу и нежность близких.

— Значит, Генрих хочет, чтобы мы с Анной приехали, — медленно повторила я, сообразив, что пауза чрезмерно затянулась и все это время Вильгельм не сводит с меня выжидающего взгляда.

— В первую очередь этого хочу я, — сухо сказал мой сводный брат. — Очень хочу. А значит, я этого добьюсь любыми способами. Поэтому прости, Хлоя, но если ты откажешься, то я отниму у тебя Анну силой и отвезу ее домой. Конечно, тебя я не смогу принудить к поездке, но Анна вернется в имение Мюррей!

В конце своей реплики Вильгельм едва не сорвался на крик, но вовремя одумался и замолчал. Его впалая грудь вздымалась от тяжелого дыхания, тонкие губы кривились в гримасе гнева, светлые глаза страшно налились кровью. Должно быть, ему было очень непросто решиться на этот визит. Нелегко просить об одолжении того, кого ненавидишь всем сердцем! А я не сомневалась в том, какие чувства испытывает ко мне Вильгельм, поскольку наша взаимная неприязнь никогда и ни для кого не являлась тайной.

— А вот и чай! — внезапно нарушило восклицание Герды вязкую тишину, установившуюся после финального выкрика моего брата. И она внесла в гостиную поднос, на котором стояли чайник, несколько чашек и блюдо со сладостями.

Гилберт вскочил с подлокотника, на котором просидел всю беседу, и бросился ей на помощь. Вскоре на столике перед диваном для гостей все было готово к чаепитию. Но Вильгельм лишь мазнул взглядом по чашкам, после чего вновь требовательно посмотрел на меня.

— Твое решение, Хлоя! — высоким и срывающимся от напряжения голосом потребовал он. — Ты едешь со мной и Анной? Или мне придется забрать у тебя сестру?

Краем глаза я заметила, как Герда побледнела, услышав это заявление. Она с

нескрываемой тревогой скомкала передник, круглыми от ужаса глазами уставившись на незваного гостя. И я вполне понимала ее чувства. За прошедшие полгода она очень привязалась к моей сестре, выплеснув на нее всю свою нерастрченную материнскую любовь. Сама бы я еще могла пережить разлуку с сестрой, но Герда... Боюсь, для нее это будет равнозначно долгой и мучительной смерти, когда из груди еще живого человека достают бьющееся сердце.

— Ты ведь понимаешь, что сегодня ни о каком отъезде не может быть и речи? — негромко спросила я, уже почти смирившись со своим неминуемым поражением в этом споре.

Как ни печально осознавать, но братец своим неожиданным ультиматумом загнал меня в угол, из которого без посторонней помощи мне никак не выбраться.

— Да. — На дне зрачков Вильгельма после моего вопроса зажегся торжествующий огонек. Вот ведь гад! Уже празднует победу. А братец продолжил нарочито сочувствующим тоном: — Я мог бы прийти сюда завтра, но решил, что тебе необходимо время для сборов. Надеюсь, к моменту вступления в права наследства ты и Анна будете готовы к путешествию.

Казалось невыносимым, но Герда после этих слов побледнела еще сильнее. В ее лице не осталось и кровинки. Только ярко выделялись почти черные из-за нахлынувшего волнения глаза. Бедная! Она ведь не слышала предыстории, поэтому вполне может подумать, будто Анну увозят от нее навсегда. Пожалуй, стоит взять ее с собой, потому как даже краткая разлука станет для нее хуже пытки.

— Я еще не приняла решения, — напомнила я, недовольно передернув плечами от такой вопиющей самоуверенности братца.

— Да полно тебе. — Вильгельм продемонстрировал в широкой улыбке все свои мелкие, острые, словно у крысеныша, зубы. — Хлоя, ты ведь понимаешь, что особого выбора у тебя нет. Или ты едешь со мной по доброй воле и после недолгого визита вместе с ненаглядной сестричкой возвращаешься домой. Или же ты больше никогда не увидишь Анну. Не могу сказать, что я горю желанием стать опекуном этой вздорной девчонки, которая постоянно мелет всякую чепуху про призраков, но если это досадит тебе, то что же... я готов претерпеть это неудобство.

Герда чуть слышно вздохнула. Уставилась на меня со столь отчаянной мольбой во взгляде, что мне невольно стало не по себе. Как же не хочется ехать в имение Мюррей, где я пережила столько горьких минут и несправедливых обид! При одной мысли, что неопределенный срок я буду вынуждена мириться с обществом мерзкого Вильгельма, на меня накатила жгучая тоска. Да и странно все это. С чего вдруг Генрих вспомнил о моем существовании? Неужто решил покаяться во всех грехах перед смертью? Но я скорее откушу себе язык, чем признаю свое поражение в споре с Вильгельмом!

Впрочем, он и не требовал этого. Убедившись, что я намерена сохранять молчание и дальше, Вильгельм довольно усмехнулся и направился к выходу, однако на самом пороге остановился и небрежно обронил:

— В общем, завтра в полдень я вновь нанесу тебе визит. Надеюсь, необходимые формальности по поводу вступления в наследство не займут много времени и уже через час мы сможем отправиться в дорогу. Как говорится, чем раньше выедешь, тем скорее вернешься.

После чего развернулся и, не прощаясь, вышел прочь. Спустя пару мгновений до меня донесся мелодичный звук входных чар, доказывающий, что мой брат действительно покинул

дом.

— Что все это значит? — тут же налетела на меня с расспросами Герда. — Хлоя, вы и Анна... Вы на самом деле уезжаете?

— Надеюсь, что ненадолго, — поспешила я успокоить несчастную расстроенную женщину и быстро пересказала ей суть предложения Вильгельма.

— Стоит признать, на редкость неприятный у тебя братец, — задумчиво резюмировал Гилберт, который, в свою очередь, не стал теряться и налил себе чая, благо что тот все равно остывал впустую.

— Радует, что наше родство лишь условное. — Я печально усмехнулась. — А вообще, ты прав. Знал бы ты, сколько крови мне попортил Вильгельм в свое время.

— С легкостью могу представить. — Гилберт понятиливо кивнул. Пригубил ароматный напиток, после чего неожиданно сказал: — В общем, так тому и быть. Я еду с тобой!

— Что?! — в едином восклицании слились сразу два голоса: мой и Герды.

Гилберт лишь снисходительно улыбнулся при виде столь единодушной реакции и взял с блюда печенье, щедро посыпанное корицей, никак не поясняя своего решения.

Я посмотрела на Герду. Та в ответ лишь недоуменно пожала плечами, и дальше вести диалог пришлось мне одной.

— Спасибо, конечно, за предложение, — произнесла я, осторожно подбирая каждое слово, чтобы ненароком не обидеть Гилберта. Замялась на мгновение, однако твердо продолжила: — Но я думаю, это будет не совсем уместно. Во-первых, как прикажешь объяснить твое присутствие тому же Вильгельму? Готова поклясться, что мой противный братец уже навоображал себе невесту что в отношении тебя. А во-вторых, что насчет Габриэль? Она наверняка не придет в восторг от такого известия.

— Все вопросы с Габриэль я улажу самостоятельно, — твердо ответил Гилберт. — Это не твоя забота, Хлоя. Да, она наверняка поскандалит немного, но потом поймет, что так будет лучше всего. Нельзя в такой момент оставить тебя без поддержки. А что насчет того, как представить меня твоей так называемой семейке... Хм-м...

Гилберт задумался, кроша длинными изящными пальцами недоеденное печенье в блюдечко перед собой. Правда, буквально сразу же вскинул голову с лукавым блеском в глазах.

— Насколько я понимаю, ни твой отчим, ни тем более сводный брат никогда особо не интересовались твоей жизнью, — сказал он. — Значит, наверняка не в курсе, какие родственники у тебя имеются со стороны рода Этвуд. Почему бы не представить меня в качестве вашего с Анной троюродного брата? Насколько я помню, твоя мать Тереза происходила из третьего сословия, а в деревнях принято иметь большую семью. У твоей бабушки со стороны матери почти наверняка имелись братья и сестры, а у тех, в свою очередь, — собственные дети, с которыми ты состоишь в кровном родстве. Эта связь, с одной стороны, достаточно близкая, чтобы я имел возможность сопровождать тебя, не опасаясь вызвать ненужных расспросов и подозрений, а с другой стороны, подтвердить ее истинность возможно лишь с большим трудом и затратив на это немало времени. Если Вильгельм не лукавил и тебя с Анной действительно приглашают лишь для прощания с отчимом, то никто не будет заниматься подобной чепухой. Глупо как-то разбираться в тонкостях генеалогического древа у постели умирающего. А вот если он солгал тебе и на самом деле за его даже не просьбой — приказом ехать с ним — стоит другой мотив, то мое присутствие окажется весьма кстати. Все равно у него не найдется веских причин, чтобы

отказать тебе в моем сопровождении, а поиск опровержения моей легенды займет слишком много времени.

Я невольно кивнула, подтверждая его мудреные рассуждения. Если говорить откровенно, то я и сама была рада, что в поездке меня будет сопровождать надежный товарищ. Одно дело — отправиться в дорогу с малолетней сестрой и компаньонкой, в чисто женской компании, если не считать, конечно, так называемого брата, от которого не ведаешь, чего можно ожидать. И совсем другое — знать, что рядом всегда будет друг, способный защитить тебя в тяжелой ситуации.

— Вильгельм наверняка придет в бешенство, — пробормотала я и тут же расплылась в пакостливой улыбке: — Но так ему и надо! Уже заранее сгораю от предвкушения увидеть его лицо, когда он узнает столь ошеломительную весть!

— Боюсь, что я не могу сказать такого же в отношении Габриэль. — Гилберт кисло усмехнулся. — Пожалуй, я пойду, Хлоя. Мне предстоит весьма непростой разговор.

— Если это твое предложение затруднительно для тебя, — мгновенно встрепенулась я, почувствовав угрызения совести, — то...

— Не беспокойся, — оборвал меня Гилберт и встал, поставив на стол опустевшую чашку. — Я сказал, что намерен сопровождать тебя, — и так будет. Все остальное лишь мои проблемы.

После чего вежливо наклонил голову, прощаясь, и вышел прочь из гостиной.

* * *

Стоило признать, я ожидала от процедуры окончательного вступления в наследство большей торжественности. Но в действительности все прошло на удивление буднично и просто. Ровно в полдень в дверь моего дома постучался невзрачный молодой человек в сером поношенном сюртуке и грязных сапогах. Он даже не стал проходить в гостиную, вместо этого сунул мне на подпись прямо в прихожей бумагу с гербовой печатью, которая гласила, что отныне я становлюсь полноправной владелицей всего состояния покойной Элизы Этвуд. На мои робкие вопросы о том, как поживает Дуглас Паттерсон, поверенный моей прабабушки, а заодно, как оказалось, и один из самых знаменитых экзорцистов Итаррии, молодой человек предпочел отмолчаться. Лишь неохотно обронил, что у Дугласа много дел, поэтому он не сумел приехать и лично засвидетельствовать свое почтение, однако передавал мне и Анне пламенные приветы. Если когда-нибудь мне понадобятся услуги поверенного, то я могу написать письмо Дугласу на его столичный адрес. И молодой человек обронил название улицы, которое я моментально забыла.

Уладив все необходимые формальности, гость тотчас же удалился. Его визит занял лишь пару минут, вряд ли больше. Но едва он покинул дом, как в дверь вновь постучались. В первое мгновение я решила, что вернулся прежний визитер, забыв о какой-нибудь мелочи, но буквально через миг, выполняя нашу давнишнюю договоренность и не дожидаясь, когда ей откроют, в прихожую без приглашения ворвалась Габриэль. Благо что я не успела подойти к порогу, поэтому распахнувшаяся дверь не сбила меня с ног.

— Ты! — гневно рявкнула Габриэль, сфокусировав на мне взгляд своих серых глаз, сейчас пылающих яростью, и я невольно попятилась. Уж больно угрожающий был у нее вид: шляпка съехала набок, светлые волосы растрепались, будто она бежала всю дорогу ко мне,

рот кривится от непонятных гримас. Ой, кажется, Габриэль совершенно не обрадовалась, узнав про решение своего жениха сопровождать меня в грядущей поездке.

— Ты!.. — повторила Габриэль, задыхаясь от избытка переполняющих ее эмоций. — Ты...

Запнулась, видимо, подыскивая подходящее определение моему ужасному поведению, и внезапно разрыдалась в полный голос. Слезы столь стремительным потоком хлынули из ее глаз, что я окончательно растерялась. О небо, неужели она так сильно поругалась с Гилбертом из-за меня?

— Габби... — нерешительно промямлила я, делая шаг к ней навстречу. — Ну что ты, в самом деле...

А в следующий момент многострадальная входная дверь вновь без предупреждения распахнулась, и в прихожую ввалился донельзя взволнованный Гилберт. По его запыхавшемуся виду было件нятно, что ему тоже пришлось преодолеть путь до моего дома бегом.

— Габби, ты все неверно поняла! — глотая от волнения окончания, выпалил он. — Я и думать не мог бросить тебя. Что ты себе всякую чушь напридумывала?

Габриэль в ответ разревелась пуще прежнего. От судорожных рыданий ее колотила сильнейшая дрожь, и она никак не могла выдать из себя хотя бы слово.

В прихожую, заинтересованная непонятным шумом, заглянула Герда. При виде столь душераздирающей сцены всплеснула руками, развернулась и, рассыпая по коридору дробь каблучков, стремительно скрылась где-то в глубинах дома.

— Ну, Габби... — мученически протянул Гилберт, глядя на заплаканную девушку со все возрастающим ужасом. — Да что случилось-то? Какая муха тебя укусила?

Я с тоской покосилась на лестницу, ведущую на второй этаж. Может быть, плюнуть на все и сбежать, оставив влюбленных самостоятельно разбираться со своими проблемами?

Однако словно в насмешку надо мной и моим вполне объяснимым желанием оградить себя от ненужных скандалов, дверь, ведущая на улицу, открылась вновь. Но теперь на пороге предстал Вильгельм, который опасливо заглянул в дом, не рискуя пока зайти. Ошарашенно уставился на залитую слезами Габриэль, затем посмотрел на расстроенного Гилберта и, наконец, остановил свой взгляд на мне.

— Я услышал крики и плач, — поторопился объясниться он, увидев, как я красноречиво вздернула бровь, недовольная его наглостью. Ишь ты, мог бы и постучаться. То, что позволено моим друзьям, не дозволено иным людям. — Испугался, что случилось что-то страшное, вот и... А что, собственно, происходит?

— Вино, я несу вино! — Эхом отразился от стен крик Герды, не дав мне ответить на его вопрос. — Габби, девочка моя, сядь и выпей.

И в прихожую, где и без того уже не оставалось свободного места, вновь бегом ворвалась моя помощница по хозяйству. В руках она тащила стул, под мышкой были зажаты бутылка вина и бокал.

Происходящее все больше и больше напоминало мне какую-то невыносимую комедию абсурда. От шума и постоянного мельтешения перед глазами у меня начало ломить виски. Тем более что все незваные гости вдруг решили заговорить одновременно. Габриэль наконец-то справилась со своей слезной истерикой и тоненько-плачущим голоском начала что-то выговаривать расстроенному Гилберту. Тот, не слушая ее, бормотал, что она все неправильно поняла. Вильгельм продолжал занудно задавать один и тот же вопрос, пытаюсь

выяснить, что происходит. Герда настойчиво усаживала Габриэль на стул и потрясала перед ее носом бутылкой вина, не обращая внимания на то, что девушка ее просто не слышит.

В какое-то мгновение головная боль стала невыносимой, сконцентрировавшись на дне глазниц. Картинка окружающей действительности вдруг зарыбила ярко-алыми всполохами, будто все на самом деле происходило не со мной.

— Хватит!

Я не сразу поняла, что этот лвиный рык вырвался именно из моего горла. Но вдруг оказалось, что в прихожей воцарилась мертвая тишина и все испуганно смотрят на меня.

— Хватит, — уже спокойнее повторила я. Вырвала из рук Герды стул и царственно опустилась на него — слишком сильно вдруг задрожали колени, налившись предательской слабостью. Затем так же без спроса выхватила бутылку вина и сделала несколько больших глотков прямо из горла, совершенно не переживая при этом, что о моих манерах может подумать сводный брат.

Алкоголь сделал свое дело. Начавшаяся было мигрень улеглась, оставив как напоминание о себе лишь небольшую тяжесть в затылке. Зрение вновь обрело прежнюю четкость, и пропало ощущение, будто все происходящее является лишь дурно разыгранным спектаклем.

— Ты! — Я невежливо ткнула пальцем в Габриэль, чье хорошенькое личико было еще мокрым от слез. — Какого демона происходит? С чего вдруг ты устроила это представление?

— Но Гилберт сказал... — Габриэль опять плаксиво скуксилась, однако я скорчила настолько злобную физиономию, что она не рискнула начать новый приступ плача, вместо этого сбивчиво затараторив: — Он сказал, что уедет с тобой. И я подумала... Подумала... что он бросает меня.

Я хмуро посмотрела на Гилберта. А ведь он обещал мне, что никаких проблем с Габби не возникнет. Мол, он объяснит ей всю сложившуюся ситуацию.

— Да я даже не успел толком договорить! — обиженно воскликнул он, без слов приняв причину моего недовольствия. — Габби вылетела из дома, не дослушав и первой фразы. Причем с такой скоростью, что я не сумел ее догнать, хотя и очень старался.

— Позвольте вопрос, — внезапно подал голос Вильгельм, который все это время растерянно переминался с ноги на ногу, видимо, не ожидая, что попадет в такую гущу событий. — Какое отношение вы, молодой человек, имеете к нашей поездке?

— Вот именно! — воинственно вскинулась Габриэль, почувствовав неожиданную поддержку. — Какое отношение ты, Гилберт, имеешь к поездке Хлои и ее сестры?

— Самое прямое, — уклончиво проговорил Гилберт и замолчал, жалобно на меня уставившись.

Я мысленно выругалась, без особых проблем поняв причины его затруднительного положения. Гилберт, по всей видимости, не успел предупредить Габриэль о том обмане, который мы приготовили для моего сводного брата. Будет крайне глупо сказать сейчас, будто он является моим троюродным братом, поскольку Габриэль прекрасно знает, что это не так. Не думаю, что она сумеет удержаться от выражения законного недоумения, а значит, Вильгельм наверняка заподозрит неладное.

— И все-таки? — продолжал настаивать Вильгельм. — Если память мне не изменяет, то вчера речи о подобном не шло. С какой стати мне приглашать вас, молодой человек, в дом моего отца?

— Потому что... потому что... — забормотал совершенно сбитый с толку Гилберт, не

представляющий, как выбраться из этой безвыходной, в общем-то, ситуации.

— Я все знаю! — перебила его Габриэль. В ее серых глазах вновь засверкали прозрачные бусины слез. — Сколько можно делать из меня дурочку? Признайся, что ты любишь Хлою! Просто у тебя не хватает смелости объясниться со мной. А в эту поездку ты хочешь отправиться для того, чтобы познакомиться с ее отчимом и испросить благословения на ваш брак!

Глаза Вильгельма от этого заявления округлились и размером стали с кофейное блюдце. На его лице поочередно отразилась сложная смесь эмоций: от крайнего изумления до испуга, который почему-то сменился злостью. Хм-м... Как-то странно, если честно. Особенно непонятно последнее чувство.

— Это правда? — требовательно спросил он у меня вмиг охрипшим голосом и рванул от волнения ворот сюртука, не заметив, что тем самым едва не выдрал с мясом верхнюю пуговицу.

Что скрывать, столь бурная реакция меня немало удивила. По какой причине, хотелось бы знать, он так разнервничался от невинного, в общем-то, известия о том, что его сводная сестра может с кем-нибудь встречаться? В конце концов, не так давно мне исполнилось двадцать один. Многие люди старой, так сказать, закалки считают, что в этом возрасте уже неприлично оставаться незамужней. Мол, самая пора обзавестись мужем и ребенком.

— А тебе не все ли равно? — огрызнулась я, не развенчивая пока заблуждение Габриэль. Не то чтобы мне нравилось истязать девушку, заставляя ее мучиться от ревности. Просто пока куда важнее мне было понять причины столь загадочного поведения сводного брата.

— Ты — моя сестра, поэтому мне, естественно, не все равно! — отрезал Вильгельм. перевел взгляд на Гилберта, который с совершенно потерянным видом хлопал ресницами и что-то неразборчиво бубнил себе под нос, видимо, силясь найти слова для успокоения своей невесты, и ледяным тоном отчеканил: — И потом, сдастся мне, ты выбрала себе в женихи не очень порядочного человека. Иначе почему он водит за твоей спиной шашни с какой-то там служанкой?

Что меня всегда поражало в братце, так это его умение безошибочно определять сословие человека. Вот скажите, каким образом он понял, что Габриэль не входит в дворянство? Уж никак не по гардеробу. Одета девушка была самым обыкновенным образом: приталенное теплое пальто с меховой оторочкой, симпатичная шляпка, сейчас совершенно съехавшая и державшаяся на одной шпильке. Пожалуй, точно такой же наряд выбрала бы и я, отправившись в гости к кому-нибудь.

Между тем жестокие слова Вильгельма попали прямо в цель. Что скрывать, Габриэль всегда стеснялась разницы в сословном положении с Гилбертом, считая себя недостойной для него парой. Вот и теперь, услышав нелестное определение из уст моего братца, она залилась краской смущения, приглушенно ахнула и покачнулась, словно ноги отказались служить ей. Благо что ее успела подхватить под локоть Герда, которая как раз стояла рядом и смущенно вертела в руках оказавшийся ненужным бокал.

В прихожей опять все разом загалдели. Гилберт подскочил к Габби и принялся горячо убеждать ее в своей любви. Вильгельм шумно выражал свое возмущение нравами нынешней молодежи, совершенно забыв при этом, что является ровесником всем присутствующим, за исключением моей помощницы по хозяйству. Габриэль опять принялась всхлипывать.

Я мученически возвела очи горé, поняв, что кошмар продолжается. В висках опять

зашевелилась задремавшая было мигрень, раз за разом пронзая мою несчастную голову раскаленными спицами боли. И внезапно я увидела Анну. Сестра притаилась на лестнице, отстраненно наблюдая за происходящим внизу. Она сидела прямо на ступеньках, положив на колени стиснутые до белых костяшек остренькие кулачки, и почему-то улыбалась. Заметив, что я увидела ее, Анна медленно сфокусировала на мне взгляд своих бесконечно голубых безмятежных глаз. И на какой-то миг мне стало очень страшно. Так страшно, что по моей спине пробежали холодные мурашки. Показалось, будто на меня посмотрело древнее создание, на короткий срок для собственного развлечения принявшее облик маленькой невинной девочки.

Однако в следующее мгновение Анна растерянно моргнула — и наваждение схлынуло. Я вновь видела перед собой любимую сестренку, с тоской и испугом вззирающую на разгоревшийся по новому витку скандал.

— Ну все, достаточно!

С этими словами я встала со стула. Удивительно, на сей раз я произнесла это без крика, однако в прихожей моментально воцарилась тишина.

— Габриэль, успокойся, между мной и Гилбертом нет никаких отношений, кроме дружеских, — отчеканила я, строго глядя на заплаканную девушку. — Он действительно едет со мной, но лишь как приятель, способный оказать необходимую поддержку.

— А тебе не кажется, что прежде было бы неплохо испросить моего на то позволения? — ядовито осведомился Вильгельм, даже не пытаясь скрыть неприязни во взглядах, которые он то и дело бросал на Гилберта. — Ты прекрасно знаешь, что мой отец никогда не любил гостей. И в любом случае это крайне неуместно — присутствие, по сути, абсолютно постороннего человека в имении, когда там происходят столь печальные события!

— Кто сказал, что ваш отец вообще меня увидит? — тут же отозвался Гилберт и с нарочитым недоумением пожал плечами: — Насколько я понял по вашим словам, его состояние так плачевно, что он наверняка не встает с кровати. А значит, мы вряд ли столкнемся с ним в коридорах вашего имения. Обещаю, что буду вести себя тише воды ниже травы, лишь бы не потревожить его покой.

— Я не сомневаюсь в вашем благоразумии. — Вильгельм презрительно фыркнул в ответ на эти слова. — Однако по-прежнему не понимаю, в чем заключается необходимость вашего присутствия в моем доме.

— Беспокойство за Хлою и Анну, — честно произнес Гилберт после краткой заминки. — Как я понимаю, дорога к вашему имению займет несколько дней. Обрато они отправятся явно не сразу же, а поздняя осень — не самая лучшая пора для путешествий. Это время разгула всевозможного отребья. Да, Хлою и Анну будет сопровождать Герда, но многое ли она сможет сделать, если на них нападут? Согласитесь, они будут представлять слишком легкую добычу.

— Я могу выделить для сопровождения сестер кого-нибудь из слуг, — неуверенно предложил Вильгельм. По его растерянному виду было понятно, что он явно не ожидал столь весомого возражения со стороны Гилберта, объясняющего необходимость своего участия в нашем путешествии.

— Кого-нибудь из слуг? — Теперь уже Гилберт фыркнул с нескрываемым пренебрежением и презрением. — Полноте! Вы ведь прекрасно знаете, как часто они оказываются замешанными в нападениях на хозяев. А Хлоя, как вы верно вчера заметили,

сейчас стала одной из самых состоятельных дам Итаррии, и за ней вполне может начаться настоящая охота, причем не со стороны брачных аферистов, а со стороны самых обычных разбойников — охотников за выкупом. Неужели вам настолько безразлична безопасность сестры?

И без того от природы длинное лицо Вильгельма вытянулось еще сильнее от заключительного вопроса Гилберта. Мой сводный брат в замешательстве посмотрел на меня, затем перевел взгляд на все еще тихонько всхлипывающую Габриэль и неожиданно воссиял радостной улыбкой.

— Хорошо! — с непонятым воодушевлением вдруг согласился он. — Только она тогда едет с нами! — И его тонкий и по-девичьи хрупкий палец ткнул по направлению к Габриэль.

Мои брови сами собой взметнулись вверх, но почти сразу же я прикусила губу, удерживаясь от глупого хихиканья. Видать, мой братец действительно подумал, что между мной и Гилбертом могут существовать некие отношения, которые мы скрываем от окружающих, раз приятель так рвется сопровождать меня в поездке, вот и решил предпринять, так сказать, превентивные меры. Вильгельм, должно быть, предположил, что присутствие Габриэль будет связывать нам руки и мешать наслаждаться жизнью и друг другом. Ну что же, это и мне, и Гилберту даже на руку. Во-первых, чем больше народа, тем веселее. А во-вторых, участие в поездке поможет утихомирить столь некстати разыгравшуюся ревность Габриэль.

К слову, она сама несколько опешила от внезапного то ли приказа, то ли пожелания человека, который к тому же был ей совершенно незнаком. Но почти сразу в ее серых глазах зажегся огонек решимости, и она с вызовом вздернула подбородок, бросив на меня преисполненный непонятого злорадства взгляд.

— Да! — воскликнула она. — Так будет лучше всего!

После чего круто развернулась на каблуках и исчезла за дверью с той же стремительностью, с которой появилась здесь. Лишь медленно и печально спланировала на пол шляпка, все-таки не удержавшись на ее встрепанной головке.

— Куда это она? — обескураженно поинтересовался Вильгельм, вряд ли ожидая, что его невольная союзница так поспешно исчезнет.

— Предполагаю, что за вещами, — меланхолично отозвалась я, делая еще один крохотный глоток вина в безуспешной попытке совладать с головной болью, некстати пробудившейся от всей этой суеты. Но все зря, приступ не торопился отступать. Перед глазами по-прежнему мельтешили черные мушки, виски то и дело пронзало острой раскаленной иглой.

Н-да, как-то невесело начиналась моя поездка. Что же, будем надеяться, что все это лишь временные затруднения и в дальнейшем обойдется без неприятных сюрпризов.

Словно в унисон моим мыслям, мигрень на какой-то краткий жуткий миг стала совершенно невыносимой. Наверное, именно из-за этого почудился тихий издевательский смешок, прозвучавший неожиданно близко, поскольку, когда я удивленно завертела головой, никого рядом не обнаружила.

* * *

Как и следовало ожидать, в путь мы пустились лишь в вечерних сумерках. Осенью

темнеет рано, тем более что после обеда прежде безоблачное небо заволокло плотными свинцовыми тучами, из которых то и дело накрапывал мелкий противный дождик. Время отъезда отодвинули и сборы Габриэль. Как девушка ни спешила, но только на разговор с матерью у нее ушло никак не меньше часа. София отнюдь не обрадовалась неожиданному известию о том, что ее дочь собирается в гости к моему отчиму. И дело было даже не во внезапности этой затеи. Основная проблема заключалась в том, что кому-то необходимо было присматривать за Амалией — бабушкой Гилберта, которая к настоящему моменту из-за преклонного возраста почти выжила из ума. И по всему выходило, что столь нелегкую обязанность придется взвалить на свои плечи именно Софии. Конечно, достойная плата помогла бы ей смириться со столь печальным известием, но к настоящему моменту род Валано, к которому принадлежал Гилберт, был практически разорен, поэтому у моего приятеля просто не оказалось денег, чтобы должным образом отблагодарить женщину за хлопоты.

Пришлось вмешаться мне. Я тайком шепнула Софии, что обещаю заплатить ей тройной гонорар за те дни, которые ей придется провести один на один с безумной старухой, дожидаясь возвращения Гилберта и дочери. Это смягчило сердце женщины, и она неохотно согласилась. Не знаю, заподозрил ли Гилберт, в чем именно заключалась моя помощь, но он мудро не стал расспрашивать, как именно мне удалось переубедить Софию. И я не стала откровенничать с ним, прекрасно понимая, что иначе рискую обидеть друга, который очень болезненно относился к любым напоминаниям о его бедственном материальном положении.

Так или иначе, но наша разношерстная компания выдвинулась в дорогу лишь тогда, когда под деревьями уже начал деловито извиваться пока еще прозрачный лиловый сумрак, густеющий на глазах. Понятное дело, в одну карету мы все не поместились. Пришлось потратить еще не меньше получаса драгоценного времени, выясняя, кто с кем поедет. Габриэль не желала расстаться с женихом и на миг. Тот рвался в одну карету со мной, видимо, как нельзя более серьезно восприняв добровольно принятую роль защитника. Я, в свою очередь, не хотела выпускать из поля зрения сестру, опасаясь, что иначе Вильгельм может похитить ее. Мои страхи полностью разделяла Герда, да и сама Анна расплакалась, когда зашла речь о том, что их могут развести по разным каретам. Один Вильгельм сохранял видимость спокойствия. Мой сводный братец словно полностью смирился с тем, что его будет сопровождать такое количество постороннего и незнакомого народа. Он отстраненно наблюдал за нашей горячей перепалкой по распределению мест, не делая никаких попыток вмешаться. Я изредка бросала на него любопытствующие взгляды, силясь застать врасплох и поймать на его лице отражение истинных эмоций. Однако все зря. Лицо Вильгельма напоминало застывшую равнодушную маску. Лишь на самом дне зрачков тлел непонятный мне огонек злорадного предвкушения.

Наконец, со спорами было покончено. Путем невероятных расчетов мы пришли к выводу, что логичнее всего будет поступить так. В первой карете поеду я, Анна, Герда и Вильгельм. Во второй — Габриэль и Гилберт. Я надеялась, что последний не станет терять времени, а воспользуется удачным моментом и объяснит своей подруге, насколько глупа и безосновательна была ее вспышка ревности. Все-таки этой парочке не мешает выяснить отношения до приезда в имение Мюррей. Габриэль до сих пор смотрит на меня волком. Кто даст гарантию, что она не устроит новой сцены ревности перед глазами моего отчима? Ох, даже страшно представить, что тогда случится. Генрих Мюррей вряд ли упустит столь

удобную возможность язвительными замечаниями отыграться на своевольной падчерице.

В последний раз проверив, заперта ли дверь и ставни дома, я первой забралась в карету. Устало откинулась на спинку сиденья и смежила веки, слушая, как остальные занимают свои места. Не очень хорошая идея — пускаться в дорогу на ночь глядя. Но это лучше, чем откладывать поездку на следующее утро. А то мало ли что еще может произойти.

Спустя неполную минуту снаружи раздался крик кучера и свист кнута. Карета дернулась, тяжело заскрипела и двинулась вперед. Я бросила последний взгляд на мрачно высящийся в вечернем сумраке дом, который сейчас казался ослепшим от закрытых ставней. Ну что же, будем надеяться, что наша разлука не продлится долго и я скоро вернусь, разделавшись с неприятными родственными обязанностями.

* * *

Удивительно, но путешествие, которое началось с шумных ссор и скандалов, продолжилось мирно и спокойно. Я беспокоилась, что Вильгельм, по своему обыкновению, примется изводить меня бесконечными сомнительными остротами, но мой сводный братец при любых разговорах предпочитал отмалчиваться, даже на прямые вопросы отвечая неразборчивым хмыканьем или ничего не значащими междометиями. Порой я даже забывала об его присутствии в карете, настолько тихо и незаметно он себя вел. Просто сидел, неестественно выпрямившись и устремив взгляд своих белесых глаз куда-то поверх наших голов.

Гилберт и Габриэль тоже помирились. На ночлег мы обычно останавливались на постоянных дворах, где каждое утро видели эту парочку сладко воркующей за завтраком. Но несколько раз во время общего разговора я все-таки ловила на себе недовольные взгляды Габриэль, брошенные исподтишка. Поэтому во имя собственного спокойствия я вскоре отказалась от бесед с Гилбертом и старалась не оставаться с ним наедине, дабы не быть понятой превратно. К тому же меня не оставляло чувство, что Вильгельм тоже исподволь следит за мной, особое внимание уделяя тому, как я общаюсь с приятелем.

Погода для конца октября стояла на удивление хорошая. Пусть небо и хмурилось тучами, но дождей почти не было. Лишь изредка начинала накрапывать морось, которая, однако, вскоре прекращалась. Порой сквозь прорехи быстро бегущих облаков мелькало неяркое солнышко. Да, оно уже давно не грело, но от него на душе становилось намного теплее, а мрачные мысли сами собой исчезали.

Не прошло и недели, как наше неспешное путешествие подошло к своему логическому завершению. Утром Вильгельм вышел к завтраку, широко улыбаясь, и даже попытался потрепать Анну по голове. Сестра ловко увернулась от внезапного проявления братской любви и на всякий случай спряталась за спиной у Герды. Впрочем, Вильгельм не обратил на это внимания, приветствовав меня коротким кивком.

— Доброе утро, сестричка, — промурлыкал он, присаживаясь напротив. Тотчас же юная верткая служанка постоянного двора поставила перед ним кружку обжигающе горячего, но, увы, дурно сваренного кофе и тарелку с почти сгоревшей яичницей, плавающей в прогорклом жиру.

— Доброе, — кратко отозвалась я, пытаюсь выловить из своей порции кусочки ветчины, не успевшие от старания местного повара превратиться в угли.

— Ты уже узнаешь родные края? — Вильгельм явно был настроен поболтать. Он опасно откинулся на спинку шаткой скамейки, словно не услышав, как от этого она душераздирающе закрипела, и испытующе посмотрел на меня.

— Провинция Нормон никогда не была для меня родной. — Я пожала плечами. Подумала немного и добавила с чуть уловимым сарказмом: — И потом, мне не нравится здешний климат. Болота зачастую бывают губительны. Особенно для женского здоровья.

На последней фразе я сделала особый упор, намекнув на то, что и моя мать, и мать Вильгельма умерли от чахотки — настоящего проклятья этой местности. Не удивлюсь, если и сам Генрих подхватил этот страшный недуг. Помнится, при нашей последней встрече он как-то подозрительно надсадно кашлял.

— Возможно. — Улыбка Вильгельма немного поблекла. Видимо, он все-таки уловил тайный смысл в моем замечании. Но практически сразу братец улыбнулся с прежней раздражающей меня самоуверенностью, небрежно обронив: — Болезни — это испытания, которые даруют нам боги. А зачастую они служат в качестве наказания за те или иные проступки. Уверен, если истово служить своему покровителю, то он обережет тебя от любых бед.

— Вот как? — Я изумленно хмыкнула, не совсем понимая, что хотел сказать этим Вильгельм. — И какого же бога обидел твой отец, раз Генриха сразил смертельный недуг?

— Вопрос не в этом. — Вильгельм покачал головой, словно досадуя на мою недогадливость. — Вопрос в том, как ему заслужить прощение.

Я переглянулась с Гердой, которая присутствовала при столь странной беседе. Моя помощница по хозяйству как раз заканчивала заплетать длинные волосы Анны в косу, но на мгновение прервалась, тоже удивленная странными недомолвками в репликах моего брата.

— Ладно, не суть, — поторопился поменять тему разговора Вильгельм, почувствовав всеобщее недоумение. — Это я так... На голодный желудок меня всегда тянет рассуждать, поэтому не обращайтесь внимания.

И с преувеличенным аппетитом набросился на яичницу, чей вид, если честно, лично у меня вызывал только омерзение.

Больше в это утро мы не разговаривали. Вскоре к нам присоединились Гилберт и Габриэль, но даже шуточки этой парочки не смогли улучшить напряженную атмосферу, повисшую над общим столом. Тяжелое молчание сохранялось и в карете. Я прильнула к окну, силясь разглядеть хоть что-нибудь заслуживающее внимания в унылом пейзаже. Однако все зря. По обе стороны от кареты тянулись бесконечные вересковые пустоши, сливающиеся на горизонте с серым низким небом, из мягкого подбрюшья которого вновь начал сочиться дождь. Глазу не за что зацепиться. Помню, как я радовалась, когда вырвалась из этого царства бесконечного уныния. Даже вечно сырой Батфилд, окутанный постоянными туманами, казался мне городом из сказки по сравнению с теми краями, которые выбрал Генрих для своего имения. Ведь в Батфилде было море. Его присутствие незримо чувствовалось в воздухе, насыщенном ароматом соли, гниющих водорослей и криками чаек. Что уж говорить про Аерни, затерявшийся среди лесов цветущей провинции Вельд. Удивительное дело, прошло не больше недели, как мы покинули этот крохотный провинциальный городок, но я уже скучаю по нему. Да, порой мои соседи бывали невыносимо любопытны, порой мне докучали постоянные расспросы и неизменные приглашения на всевозможные чаепития, которые просто нельзя было проигнорировать, но только там я впервые ощутила себя счастливой. Это было очень странное чувство —

понимать, что кому-то действительно есть до тебя хоть какое-то дело. Джоанн Атчесон, в доме которой я несколько лет провела в Батфилде, тоже была добра ко мне, но за ее заботой я всегда ощущала некий привкус долга, ведь она взяла меня к себе в компаньонки лишь по просьбе моей прабабушки. В Аерни все было иначе. Именно там я обзавелась настоящими друзьями и познала истинное счастье самостоятельной жизни, когда ни от кого не зависишь. И вот теперь это возвращение в ненавистное имение рода Мюррей.

Я невесело вздохнула и тряхнула головой, заставив себя отвлечься от печальных мыслей. Ладно, будем надеяться, что Вильгельм не обманул меня. Всего лишь визит вежливости к одру умирающего отчима — и нас с Анной отпустят восвояси. Пожалуй, я все-таки предложу сводному брату неплохие отступные за оформленное должным образом опекунство над сестрой. Он всегда был жаден до денег, надеюсь, это заставит его подписать необходимые бумаги. И таким образом я получу гарантию, что больше никогда в жизни наш с Анной покой не потревожат так называемые родственники.

Тем временем местность за окнами повозки неуловимо изменилась. Бескрайняя равнина сменилась невысокими холмами, покрытыми все тем же вереском. Теперь то и дело от основной дороги отходили побочные, ведущие, как я догадывалась, к домам, подобным тем, где жили Генрих и Вильгельм. Данное поселение нельзя было назвать городом в полном смысле этого слова. Жители провинции Нормон слишком дорожили одиночеством, которое словно превратили в смысл своего существования, поэтому никому не позволили бы поселиться рядом. Зачастую между соседними домами пролегало не менее мили, а то и более. Такое расстояние позволяло в полной мере насладиться чувством затерянности среди бесконечных холмов и болот.

Я пожалала плечами, ведя сама с собой мысленный диалог. Впрочем, кто я такая, чтобы осуждать подобный образ жизни? Да, мне он не нравится, но это не значит, что все должны разделять мое мнение. Кого-то, напротив, приведут в ужас докучливые соседи, от любопытства которых не скроешься даже за стенами собственного дома. Все дело в привычках и характере.

— Скоро, — неожиданно прошептал Вильгельм. Его глаза горели от непонятого возбуждения, тонкие бескровные губы кривились, и он то и дело облизывал их. Меня аж передернуло от отвращения при виде его танцующего языка.

— Скоро, — повторил Вильгельм, не обратив на мою реакцию ни малейшего внимания. — Мы уже подъезжаем.

И он был прав. Прошло не более часа, как карета свернула с накатанной дороги на более ухабистую. Нас сильно затрясло, несколько раз я больно приложилась затылком о стенку. Благо это не продлилось долго. Вскоре мы обогнули широкий пологий холм, закрывающий имение рода Мюррей от посторонних глаз, и перед нами словно по мановению волшебной палочки предстало трехэтажное приземистое строение, окруженное плотной изгородью из колючего кустарника.

Меня всегда поражало то обстоятельство, что мой отчим при всем своем состоянии, весьма приличном по меркам Итаррии, никогда не пытался придать хоть какое-нибудь изящество своему жилищу. Больше всего его дом напоминал обычный прямоугольник, словно целиком вытесанный из серого камня. Никаких башенок или флигелей, никакого болотного плюща, который любили пускать в здешних краях по стенам зданий.

По моей спине пробежала холодная дрожь, когда я смерила дом взглядом. Казалось, за то время, пока меня здесь не было, он стал еще ниже, прильнул к земле, словно дикий зверь,

готовый к нападению.

— Хлоя, — неожиданно всхлипнула Анна. Прижалась к моему плечу, и я машинально обняла ее, пытаюсь успокоить.

— Ничего, моя маленькая, — прошептала я и легонько поцеловала ее в затылок. — Мы тут ненадолго. Совсем скоро мы вернемся в Аерни, обещаю!

И запнулась, перехватив в этот момент взгляд своего сводного брата. Он посмотрел прямо на меня и зло усмехнулся, обнажив мелкие, острые, как у крысы, зубы. А в его глазах полыхнуло пламя непонятного мне торжества.

* * *

Как я ни пыталась настоять на своем, но нам с Анной выделили отдельные спальни для проживания. Одно радовало — сестру поселили вместе с Гердой, неподалеку от комнат Габриэль и Гилберта. Правда, настораживало то, что из всех новоприбывших меня единственную сослали на третий этаж, в то время как все остальные устроились на втором. Это было странно. Насколько я помнила, на третьем этаже никогда не было гостевых спален. Да что там, даже жилым его можно было считать с большой натяжкой. Здесь располагались обширная библиотека Генриха, его рабочий кабинет и несколько крепко запертых комнат, входить в которые мне было наистрожайше запрещено. Отчим любил утверждать, что холод и сухой воздух благоприятно действуют на старинные книги, замедляя процессы разрушения и останавливая рост плесени, поэтому, сколько себя помню, этот этаж практически не отапливался. По всей видимости, эту традицию поддерживали и теперь. По крайней мере, мое дыхание продолжало оседать белым облачком на меховой воротник пальто, когда я вошла в пусть и просторное, но темное помещение, где мне было суждено провести несколько ночей.

— Прохладно, — заметила я, обращаясь к молчаливому слуге, показывающему мне дорогу.

Тот невыразительно пожал плечами, поставил около порога мой чемодан и прищелкнул пальцами. Тотчас же под потолком пробудился магический шар. По всей видимости, он почти исчерпал свой энергетический запас, поскольку его тусклого света едва хватало, чтобы осветить центр комнаты, в то время как углы продолжали утопать в сумерках. Не стоит и мечтать, что он сумеет согреть меня ночью.

Негромко цокая каблуками, я неспешно прошлась по своим новым владениям. Комната была даже больше, чем мне показалось вначале. Правда, у меня создалось впечатление, что раньше она использовалась для каких-то других целей, но не как спальня. На это указывала криво поставленная кровать, видимо, внесенная сюда совсем недавно в спешке, царапины на полу, словно тут двигали мебель, и маленькое крошечное оконце, больше напоминающее своими размерами бойницу в старинной крепости. Что скрывать, именно это меня удивило куда больше остальных странностей, поскольку в других комнатах окна были обычного размера. Я на всякий случай внимательно осмотрела все стены и, убедившись, что не пропустила никаких хитро замаскированных ставень, в полнейшем изумлении обернулась к дверям, намереваясь получить необходимые объяснения у слуги.

Однако тут меня ожидало очередное разочарование. Слуга уже куда-то удалился. Удивительно, что его уход остался не замеченным для меня. Вроде бы я постоянно старалась

держат порог в поле своего зрения.

Недоумевающая все сильнее и сильнее, я еще раз прошлась по комнате, изучая ее скудную обстановку и силясь понять, что здесь было раньше. Неужели меня поселили в одно из помещений, где Генрих хранил свою богатую коллекцию книг? По всему выходит, что так. На это указывали книжные шкафы, расположенные у дальней стены. По всей видимости, даже пустые они оказались слишком тяжелыми, чтобы их вынесли прочь.

Я подошла ближе и провела пальцем по одной из дубовых полок. Радует, что хоть пыли нет.

Если не считать прикроватного столика, то больше мебели в комнате не было. Из-за этого обстоятельства и размеров помещения казалось, будто я угодила в склеп. Любой мой шаг отражался эхом от стен. Н-да, мрачноватое местечко. Думаю, Генрих долго выбирал, куда же поселить своевольную падчерицу, чтобы напомнить ей о своей нелюбви. Что же, стоит заметить, это ему удалось с блеском.

— Хлоя? — В следующее мгновение в комнату ворвалась Габриэль, благо что дверь оставалась распахнутой настежь. И тут же застыла, округлившимися от удивления глазами рассматривая скудную обстановку моего временного обиталища. Затем перевела преисполненный ужаса взгляд на меня и выдохнула: — О небо, Хлоя, только не говори, что тебя тут поселили!

— Не скажу, — меланхолично отозвалась я и подошла ближе к кровати. Откинула покрывало и недоверчиво пощупала простыню и одеяло. Затем не выдержала, наклонилась и понюхала наволочку. Ну хоть здесь повезло. Генрих все-таки расщедрился на чистое белье. А то он вполне мог приказать застелить кровать какими-нибудь затхлыми тряпками. После чего выпрямилась и грустно улыбнулась Габриэль, которая наблюдала за моими действиями с прежним недоверчивым ужасом в глазах. — Но, по-моему, все и без слов понятно.

— Как так можно! — Габриэль возмущенно всплеснула руками и неохотно переступила через порог, то и дело оглядываясь на ярко освещенный коридор, словно опасаясь, что в любой момент дверь может захлопнуться и мы останемся в холодной темной комнате одни. — Насколько я поняла, Генрих Мюррей является тебе отчимом. Почему для нас, обычных и к тому же незваных гостей, которых он никогда в жизни не видел, приготовили нормальные спальни, а тебя оставили в каком-то... каком-то...

И она замолчала, кусая губы от возмущения и не в силах подобрать должного определения этому помещению.

— Это вполне в его духе. — Я пожала плечами. — Генрих всегда считал, что трудности закаляют характер. Поэтому к родным он зачастую относился намного суровее, чем к незнакомым людям. К примеру, он очень любил мою мать. Это я знаю абсолютно точно. Но это совершенно не мешало ему сурово отчитывать матушку за любую мою провинность или же малейшее проявление несогласия с ним в каких-либо житейских или хозяйственных вопросах.

Я не стала углубляться в подробные объяснения, невольно окунувшись в невеселые воспоминания о своем детстве. Но мне действительно тяжело было упрекнуть Генриха в нелюбви к моей матери. Мало кто из дворян возьмет в жены женщину, ранее состоявшую в третьем сословии и овдовевшую при загадочных обстоятельствах, особенно если у нее имеется маленький ребенок. Это немыслимое событие! Можно сказать, плевок в лицо обществу! Однако Генрих пошел на такое и целый год после свадьбы был настоящим изгоем и в семье, и среди соседей. Об его существовании просто забыли, видимо, надеясь, что

настолько явное осуждение безумного поступка заставит моего отчима передумать и приложить все мыслимые усилия для быстрого развода. Да что там, я знала из сплетен и пересудов слуг, что сюда приезжала мать Генриха и чуть ли не на коленях умоляла сына одуматься. Но он оставался непреклонен. Конечно, со временем страсти поутихли, и его вновь начали приглашать на всевозможные светские приемы. Правда, в приглашениях всегда фигурировало лишь одно имя, что, однако, совершенно не мешало моему отчиму всегда и всюду брать с собой жену. Более того, при любом намеке на неудовольствие со стороны хозяев приема или же попытке каким-либо образом, пусть даже завуалированно, оскорбить мою мать Генрих не гнушался устроить громогласный скандал, во время которого во всеуслышание заявлял, что если соседи хотят видеть его, то обязаны принимать и его супругу, а не корчить при ее виде недовольные гримасы. Рано или поздно, но он своего добился, и моя матушка вошла в местное общество на равных правах с остальными. Благодаря все тем же осторожным перешептываниям слуг я была в курсе, что единственным человеком, который так и не смирился с подобным порядком вещей, осталась мать Генриха, нейна Анника Мюррей. До самой смерти она забыла дорогу к своему сыну, все свое внимание обратив на младшую дочь, найну Эрику Мюррей, которая, к слову, вроде бы так и не вышла замуж. И почему-то мне кажется, что этому немало поспособствовал неусыпный интерес Анники к личной жизни бедняжки.

— По этой логике получается, что твой братец должен жить в таком же склепе, если не хуже, — ядовито произнесла Габриэль. — Он ведь наследник рода Мюррей, значит, обязан претерпевать еще большие неудобства, чем нелюбимая падчерица.

Я неопределенно хмыкнула. Кстати, любопытное замечание. Если честно, я никогда не задумывалась над тем, в каких условиях живет Вильгельм. По-моему, как ни странно, но в чем-то Габриэль права: спальня моего сводного брата тоже находится на третьем этаже. По крайней мере, ее точно нет на втором, а первый отведен под комнаты слуг, кладовые, кухню и всевозможные помещения общего назначения, такие, как обеденный зал и гостиная.

— Ладно, неважно, — проговорила я, не желая дальше развивать неудобную тему. — Как вы устроились?

— Да уж получше, чем ты. — Габриэль еще раз обвела взглядом помещение и недовольно покачала головой. Затем посмотрела на меня и предложила: — Слушай, а почему бы нам не разместиться в одной комнате? Кровать в моей спальне такая огромная, что, не сомневаюсь, мы прекрасно поместимся на ней вдвоем и абсолютно не будем мешать друг другу. Все лучше, чем если ты будешь мерзнуть здесь в полном одиночестве. Прямо мороз по коже от этой мысли!

— Спасибо, — благодарно сказала я и улыбнулась Габриэль: — Спасибо большое! Я очень ценю твое предложение. Но, пожалуй, я откажусь.

— Почему? — Габриэль удивленно вскинула тонкие брови.

Вместо ответа я лишь всплеснула руками. Тяжело было объяснить, что я думала по этому поводу. С одной стороны, больше всего на свете мне хотелось согласиться и немедленно покинуть столь негостеприимное место. Что скрывать, от мысли, что я буду вынуждена провести здесь ночь, меня саму кидало в холодную дрожь. Но с другой стороны, меня не оставляло чувство, что Вильгельм и Генрих ожидают от меня именно такого поступка. Я была почти уверена, что это некоего рода проверка меня на слабость. И сейчас отчим с нетерпением предвкушает мое трусливое бегство, которое тем самым подтвердит его нелестное мнение обо мне. Но я намерена разочаровать его в этом. И пусть ночь,

проведенная в холодной темной спальне, послужит ценой за полученное удовольствие. Все равно я останусь в выигрыше.

— Ну как знаешь, — недоверчиво проговорила Габриэль, так и не дождавшись от меня разумного ответа. — Но если вдруг передумаешь, то я всегда рада принять тебя.

— Спасибо, — повторила я, улыбнувшись еще шире.

— Слушай, и по поводу той сцены у тебя дома... — Габриэль замялась, неожиданно покраснев, словно уличенная в каком-то недостойном занятии. Я прекрасно понимала, что именно она хочет сказать, но не мешала, терпеливо ожидая продолжения. И вот, наконец, оно последовало. Габриэль в последний раз переступила с ноги на ногу и вдруг выпалила на одном дыхании, уставившись куда-то поверх моей головы и опасаясь даже на миг встретиться со мной взглядом: — Извини меня. Я... В общем, я не должна была так думать о тебе. Просто, когда Гилберт заявил, что собирается ехать с тобой, я словно сошла с ума. Мне стало так обидно! Ведь ты подходишь ему как пара намного больше.

— Но любит-то он тебя, — мягко оборвала я ее сбивчивое бормотание.

— Ох, не уверена. — Габриэль печально покачала головой, хотела было еще что-то сказать, но не успела. В следующее мгновение в светлом прямоугольнике дверного проема появилась Герда, которая вела за руку мою сестру.

— Хлоя! — воскликнула Анна и кинулась ко мне. Отчаянно прижалась к моим ногам, словно после долгой разлуки.

— Извините, что мешаю вашему разговору, — степенно произнесла Герда. — Но ваша сестра устроила настоящую истерику, требуя немедленно привести ее к вам. Поэтому, собственно...

— Все в порядке, — поспешила я заверить свою помощницу по хозяйству, на самом деле даже обрадовавшись ее неожиданному появлению, поскольку оно оборвало разговор, который мне все более и более не нравился.

— Хлоя. — Анна на удивление серьезно посмотрела на меня снизу вверх своим синим бездонным взором, не обратив ни малейшего внимания на наш обмен репликами. — Ты уже видела ее?

— Кого? — спросила я, недоуменно нахмурившись.

— Нашу маму. — Сестренка расплылась в довольной улыбке. — Неужели ты не чувствуешь? Она стоит прямо за тобой.

Волосы на моей голове сами собой зашевелились от ужаса. Краем глаза я заметила, как побледнела и попятилась Габриэль, а Герда поднесла руку ко рту, сдерживая невольное восклицание. Затем осторожно повернула голову и взглянула через плечо, готовая в любой момент с воплем ужаса ринуться прочь. На мое счастье, ничего не произошло. Комната, освещенная тусклым светом магического шара, оставалась по-прежнему пустой.

— Нет, моя маленькая, я не вижу ее, — ласково проговорила я.

Анна обиженно суксилась, недовольная моим признанием. Отлепилась от меня и сделала шаг в сторону, уставившись на что-то, мне невидимое. Затем ее личико вновь расплылось в радостной улыбке.

— И с нею отец, — произнесла она, напряженно вглядываясь в пустое пространство. — Странно. Я никогда не видела его настолько счастливым.

— Отец? — медленно переспросила я, ощущая, как цепкая рука дурного предчувствия крепко стиснула мое несчастное сердце. — Ты видишь Генриха рядом с нашей матушкой?

— Да. — Анна негромко хихикнула от моего вопроса, который, должно быть, показался

ей очень глупым. — Он говорит, что встретился с матушкой уже очень давно.

Я со свистом втянула в себя воздух, силясь понять, что все это означает. Получается, Вильгельм солгал мне! Когда он приехал ко мне якобы пригласить к постели умирающего, Генрих уже перешел в мир теней. Остается только вопрос, зачем ему понадобился этот обман.

— Ну, братец, — прошипела я, обменявшись понимающими взглядами с Гердой и Габриэль. — Кажется, кое-кому предстоит весьма непростой разговор со мной.

* * *

Я решила не откладывать в долгий ящик неприятный разговор со сводным братом. Слишком сильно меня душило негодование от осознания того, как легко и просто тот обвел меня вокруг пальца. Но куда больше меня интересовал вопрос, зачем это ему вообще понадобилось. Нет, я прекрасно понимала, что по какой-то причине Вильгельму было необходимо, чтобы я и Анна приехали в имение Мюррей. Но для чего? Мое воображение пасовало, не в силах придумать убедительного объяснения столь загадочному факту.

Габриэль согласилась составить мне компанию в поисках Вильгельма, в то время как Герда повела Анну в комнату к Гилберту, который должен был защитить их при опасности. На всякий случай я приказала своей помощнице по хозяйству держать ухо востро и по возможности никуда не отлучаться от моей сестры. Больше всего на свете я боялась, что Вильгельм затеял весь этот обман лишь с единственной целью — отобрать у меня Анну. Правда, в этом случае я все равно не понимала, к чему было тащить меня в здешние края, а заодно брать с собой столь шумное и многолюдное сопровождение. Ведь куда логичнее было сделать это еще в Аерни, воспользовавшись правом сильного и законом, который, увы, в данном случае был целиком и полностью на стороне моего сводного брата. Эх, одни вопросы!

Словно две алчущие крови гончие, мы с Габриэль принялись бесцельно блуждать по огромному дому, силясь отыскать убежище моего брата, который сразу после приезда куда-то бесследно исчез. Первым делом мы осмотрели третий этаж. К нашему величайшему удивлению, оказалось, что незапертой здесь была лишь одна дверь — ведущая в комнату, выделенную для моего проживания. Все остальные помещения были под надежным запором. Затем мы спустились на этаж ниже, и я наконец-таки позволила себе сбросить пальто, с которым не рискнула расстаться раньше. По сравнению с моей спальней гостевые покои выглядели настоящим обиталищем богов. Жарко натопленные, ярко освещенные, выдержанные в теплых тонах. И самое главное, здесь были большие окна, за которыми наливались синевой ранние осенние сумерки.

Гилберт рвался присоединиться к нам в поисках Вильгельма, но я попросила его оставаться с Гердой и Анной, посоветовав на всякий случай запереть дверь и открывать ее только на условный стук — три удара с длинным промежутком между ними и три удара с коротким. Понимаю, что моя просьба уже напоминала проявление паранойи, но душевное спокойствие куда важнее того, что о тебе могут подумать друзья. Тем более что ни у кого не возникло никаких возражений, только на лице Габриэль промелькнула легкая тень сомнений. Ну и пусть! Слишком не по себе мне было от происходящего, чтобы обращать внимание на подобные мелочи.

После недолгих раздумий я вооружилась кочергой, позаимствовав ее из комнаты Гилберта, и мы с Габриэль вновь отправились на осмотр дома. К слову, на втором этаже нас ожидала та же картина, что и на третьем: ряды запертых дверей. Открытыми были лишь гостевые спальни.

Происходящее не нравилось мне все сильнее и сильнее. Мне все отчетливее казалось, что в доме уже весьма продолжительное время никто не живет. И то и дело мой взгляд выхватывал все новые и новые свидетельства этого обстоятельства: пыль на перилах и подоконниках, что было немыслимо при жизни Генриха, поскольку он нещадно гонял слуг за малейшие небрежности при уборке; грязные разводы на окнах; но самое главное — чуть уловимый аромат затхлости, присущий любому заброшенному жилищу. Удивительно, что я не заметила этот запах сразу же. Наверное, я оказалась слишком взбудоражена возвращением в ненавистное имение, с которым у меня было связано столько несчастливых воспоминаний.

Немного отдохнув у лестницы, мы с Габриэль отправились на первый этаж. Я надеялась, что уж здесь-то точно отыщу человека, способного дать мне ответы на многочисленные вопросы. Пусть даже не Вильгельма, но хотя бы кого-нибудь из слуг. Не почудился ведь мне тот верзила, который любезно отнес мой чемодан в холодную спальню.

В гостиной мы наконец-то получили необходимые доказательства, что в доме помимо нас присутствует еще кто-то. Здесь ярко горел камин, весело треща оранжевыми искрами. На столике напротив дивана была приготовлена нехитрая закуска, призванная усмирить аппетит гостей в преддверии ужина, и расставлены бокалы в немом приглашении выпить после долгой прогулки. Но в комнате никого не было. Удивленно переглянувшись с Габриэль, я неслышно подошла к двери в дальней стене. Насколько я помнила, она вела в еще одну комнату отдыха, которую Генрих обычно использовал для сугубо мужской компании. Женщинам вход сюда был наистрожайше запрещен, и, снедаемая жарким любопытством, однажды я загодя спряталась за одним из кресел, стоящих в самом дальнем углу этого помещения, желая узнать, что же за таинство тут происходит. Как оказалось — ничего интересного. Некоторое время мужчины просто пили, если судить по периодическому позвякиванию бокалов, и спорили о политике государства и соседних стран. Затем разговор свернул на более фривольную тему. С замиранием сердца и горящими от стыда ушами я выслушала историю о некой сьерре Бритте, которая за пару монет никогда не откажется приласкать уставшего путника. Этот рассказ то и дело прерывался многозначительным хмыканьем со стороны слушателей, какими-то сдавленными смешками и был наполнен странными и непонятными для меня сравнениями. И вот, когда разговор окончательно и бесповоротно свернул на фривольную тему и остальные участники беседы принялись делиться своими впечатлениями от прелестей Бритты, по комнате пополз загадочный сладковатый дымок, от которого у меня моментально закружилась голова, а речь говорящих стала какой-то невнятной и запинаящейся. Не выдержав, я отчаянно расчихалась, и мое укрытие оказалось обнаруженным. Ох и попало же мне тогда! Пожалуй, это был единственный случай, когда Генрих самолично взял в руки ремень и от души отхлестал меня, да так, что еще неделю после этого я не могла сидеть. И на следующее же утро меня отправили в пансион, хотя каникулы только-только начались.

Впрочем, я несколько отвлеклась. Так или иначе, но я немного представляла, что именно могло ждать меня за закрытой дверью. И тем большим было мое удивление, когда, распахнув ее, я окунулась в плотный чернильный мрак. Странно! Совершенно точно, что в

этой комнате было окно, даже не одно, а два или три, открывающие вид на бесконечную болотную равнину. Неужели кто-то закрыл наружные ставни? Но зачем?

Я прищелкнула пальцами, надеясь, что тем самым пробужу магический шар, который должен был плавать здесь под потолком. Однако меня опять постигла неудача. Ничего не произошло. Еще страннее. Уж на чем, на чем, а на источниках света, в том числе и колдовских, мой отчим никогда не экономил. Ему нравилось, когда дом всеми окнами ярко светился в ночи, и тогда он любил сравнивать его с путеводной звездой для заблудшего странника.

— Что-то мне не по себе, — дрожащим голосом произнесла Габриэль, выглядывая из-за моего плеча. — Тебе не кажется, что эта тьма какая-то странная?

Я промолчала, пристально наблюдая за тем, как ближайший отросток мрака словно сам по себе шевельнулся, пытаюсь лизнуть носки моих башмаков.

А в следующее мгновение я неожиданно услышала, что в комнате кто-то размеренно дышит. И от этого звука волосы у меня на голове сами собой зашевелились от ужаса.

— Ой, — пискнула Габриэль и попятилась. Я оглянулась на нее и увидела, как она споткнулась о складку ковра, застилающего пол гостиной, но, по-моему, даже не заметила этого, расширенными от страха глазами продолжая вглядываться в темноту за моей спиной. — Ой, Хлоя, может быть, пойдём отсюда? Позовем Гилберта.

Я опять посмотрела во мрак. Задумчиво взвесила в руках кочергу, которая сопровождала меня при обыске дома. Если этот некто загадочный дышит — значит, он живой. Не думаю, что ему понравится удар увесистой железякой.

— Пока мы будем бегать за Гилбертом, он может скрыться, — свистящим шепотом проговорила я. — А оставлять кого-нибудь на страже опасно. Все-таки сейчас нас двое, а так, в случае чего, с опасностью столкнется только одна.

— И что ты предлагаешь? — Габриэль испуганно всхлипнула и сделала еще один шаг назад. — Хлоя, прости, но я туда не сунусь. Ни за что!

— А я и не прошу, — попыталась успокоить ее я и еще раз взвесила в руках кочергу, словно уже мысленно примерялась к возможному удару. — Постоишь здесь. Если вдруг я не выйду через пару минут или случится что-нибудь страшное — беги к Гилберту.

— Что ты намерена делать? — Габриэль тихонько ахнула, видимо, осознав, что я на самом деле готова вступить в бой с загадочным созданием, скрывающимся во тьме комнаты отдыха. — Хлоя, это очень опасно! Не сходи с ума! А вдруг на тебя нападут, едва ты пересечешь порог? А вдруг там скрывается какое-нибудь порождение Альтиса, которое убьет тебя, если ты нарушишь его покой?

— Поверь, если бы там был демон или одержимый, то на нас уже напали бы. — Я вымученно улыбнулась перепуганной девушке. — Эти твари никогда не медлят перед атакой. Призраки, в свою очередь, обычно не отличаются особой кровожадностью. Так что там явно дышит человек. И я хочу узнать, почему он прячется и не выходит на свет!

Последнюю фразу я произнесла специально громче, в глубине души лелея смутную надежду, что таинственное создание услышит меня, устыдится и все-таки выйдет к нам добровольно. На какое-то мгновение чужое дыхание, которое я слышала все это время, замедлилось, но потом вновь возобновилось с прежней размеренной частотой.

— Хлоя! — почти беззвучно прошептала Габриэль, глядя на меня огромными, полными слез глазами. — Не надо...

— Все будет хорошо, — так же тихо ответила я, едва шевеля губами. Зачем-то набрала

полную грудь воздуха и нырнула в плотный мрак.

Удивительно, но он действительно вел себя как живое существо. Я чувствовала, с каким трудом тьма расступается передо мной, словно неподвижная застоявшаяся вода. Я бросила быстрый взгляд в сторону выхода. Прямоугольник дверного проема, в котором виднелась встревоженная Габриэль, будто плыл в пространстве, с каждым миготанием отдаляясь от меня все больше и больше, хотя я сделала всего пару шагов. Странно. Неужели это проявление некоей загадочной магии?

Больше всего на свете мне хотелось развернуться и с криком ужаса броситься прочь из комнаты, пока выход окончательно не затерялся среди темноты. Но я лишь крепче сжала зубы. Все в порядке, Хлоя, все хорошо! Помни, что привидения не могут навредить, только напугать, а живому человеку ты сама в состоянии причинить боль.

Я с такой силой сжимала рукоять спасительной кочерги, что прохладный металл нагрелся и начал обжигать мне пальцы. И я медленно двинулась по направлению к звуку чужого дыхания, стараясь производить при этом как можно меньше шума.

Увы, это получилось у меня лишь отчасти. Первые два шага я действительно преодолела без особых затруднений, но на третьем запнулась обо что-то, невидимое во мраке, да так, что не удержала равновесия и с приглушенным возгласом рухнула вниз.

Это оказалась лишь часть беды. Основная проблема заключалась в том, что даже падение не заставило меня разжать пальцы и выпустить кочергу. В недолгом полете я отчаянно взмахнула ею в нелепой попытке восстановить равновесие — и на пол с ужасающим грохотом что-то посыпалось. Судя по печальному звону, наполнившему комнату, своим орудием я умудрилась снести полку со всевозможными фарфоровыми статуэтками и прочими безделушками, украшающую одну из стен.

Но самое страшное во всем этом было то, что упала я на что-то мягкое, теплое и, по всей видимости, живое.

— Хлоя! — из какого-то невообразимого далека донесся до меня преисполненный отчаяния и ужаса крик Габриэль.

Я молчала, занятая более насущными делами. В частности, я сжала левую руку в кулак и принялась сосредоточенно месить то, на что упала, поскольку оно вдруг заворочалось, пытаясь подмять меня под себя. Удалось мне нанести несколько ударов и правой, которой по-прежнему сжимала кочергу. Судя по болезненному кряхтению, это очень не понравилось моему невидимому сопернику. Он издал несколько звуков, больше всего напоминающих приглушенное рычание, но почему-то не торопился переходить в атаку, терпеливо принимая от меня все новые и новые побои.

— Хлоя! — продолжала заходиться в крике Габриэль. — О небо, Хлоя, как ты там?!

В следующее мгновение мой противник каким-то необъяснимым образом извернулся подо мной — и я вдруг обнаружила, что лежу, придавленная тяжестью чужого тела, а обе моих руки надежно обездвижены.

Я не успела испугаться или огорчиться своему поражению, поскольку еще через долю секунды в комнате загорелся свет. Яркое пламя разбуженного магического шара преобильно резануло по глазам, уже привыкшим к темноте, и я невольно зажмурилась, переживая временную слепоту.

— Хлоя Этвуд, — неожиданно услышала я, и от знакомых хрипловатых интонаций биение моего сердца моментально зашкалило сверх всяких норм. — Ну конечно, кто бы сомневался. Только ты, моя прекрасная найна, обладаешь уникальной способностью

сваливаться мне как снег на голову и постоянно пытаешься при этом избить.

Я осторожно приоткрыла один глаз, не зная, чего просить у богов: чтобы все это оказалось наваждением или же чтобы подтвердилась моя догадка. И с крайне смешанными чувствами уставилась в знакомые синие глаза Лукаса Одли, который сидел на мне верхом и надежно прижимал обе моих руки к обивке дивана. Лукас улыбался, хотя по всему было видно, что ему прилично досталось за нашу короткую схватку, произошедшую в полном мраке: темные волосы встрепаны, нижняя губа вспухла, видимо, туда пришелся один из моих ударов, наносимых вслепую, по левому виску пролегла длинная кровавая царапина.

— Ты хоть понимаешь, как тебе повезло? — продолжил Лукас, не дожидаясь, пока я сумею выдавить хоть звук из горла, намертво перехваченного спазмом от неожиданности. — Если бы я не расслышал, как кричат твое имя, то наверняка ударил бы в ответ. И ударил бы не просто так, а на поражение. Нет, я бы не убил тебя, поскольку вообще не сторонник столь крайних мер. Но тебе было бы очень и очень больно.

— Ты... — наконец прошептала я, и Лукас тотчас же смолк. Ласково провел тыльной стороной ладони по моей щеке, убирая растрепавшиеся волосы назад, и я почувствовала, как от этого столь привычного жеста у меня защипало в горле от подступивших слез.

А еще через миг раздался какой-то глухой стук, в результате которого Лукас вдруг болезненно ойкнул, стремительно побледнел и рухнул на меня, потеряв сознание.

— Ты! — зло прошипела Габриэль, возвышаясь над нами разъяренной демоницей и явно обращая свою гневную тираду к бесчувственному магу. — Лапы прочь от Хлои!

— Что ты делаешь? — попыталась урезонить я разбушевавшуюся подругу. — Ты его... убила?..

— Нет, всего лишь подкралась и огрела его статуэткой по затылку, — поспешила успокоить меня Габби. — И не надо меня благодарить!

— Даже не думала, — с иронией фыркнула я, пытаюсь выбраться из-под Лукаса. Это удалось мне далеко не сразу. Никогда бы не подумала, что потерявший сознание мужчина весит так много.

— Почему? — безмерно удивилась моим словам Габриэль, по мере сил пытаюсь помочь мне в процессе освобождения. — Я ведь спасала тебя! Этот гад набросился на тебя и... Уж не знаю, что именно он собирался сделать с тобой, но выглядело это весьма двусмысленно.

Я невольно покраснела от резонного замечания подруги. Действительно, наверное, наша парочка смотрелась со стороны очень и очень оригинально. Мужчина прижал к дивану девушку и не дает ей встать... И я покраснела еще сильнее, только сейчас заметив, что Лукас все это время был не совсем одет. Нет, на нем, хвала небесам, присутствовали и рубашка, и штаны, однако сюртук я обнаружила аккуратно висящим на спинке кресла неподалеку. По всей видимости, несчастный прилег отдохнуть и задремал, а мы с Габриэль тем временем понапридумывали себе всяких ужасов.

— Ты его не узнаешь? — кашлянув, поспешила я перевести течение мыслей Габби в более мирное и безопасное русло. К тому моменту я наконец-то окончательно освободилась и уже стояла на ногах, после чего с усилием пихнула бедного мага в плечо, заставив тем самым перевернуться лицом вверх, чтобы продемонстрировать его внешность. — Это же Лукас Одли!

Габриэль ахнула от моего заявления. Прижала руку ко рту, уставившись на свою жертву.

— О небо! — наконец пробормотала она. — Действительно он. Но что он забыл в доме твоего отчима?

— Хороший вопрос, — задумчиво произнесла я. — Увы, чтобы получить ответ на него, сначала необходимо дождаться, когда Лукас очнется.

* * *

Наша славная компания, столь неожиданно увеличившаяся на одного человека, собралась в гостиной. Очень кстати оказались закуски и вино, приготовленные невидимыми заботливыми хозяевами дома. Пока я суетилась вокруг бесчувственного Лукаса, Габриэль сбегала на второй этаж и сообщила о нашей находке Гилберту, Герде и Анне. К моменту их возвращения несчастный маг уже пришел в себя, с моей помощью перебрался в одно из кресел гостиной и печально охал, ощупывая шишку на своем затылке.

— Сьерра, у вас очень тяжелая рука, — первым делом сообщил он Габриэль, когда увидел ее на пороге комнаты.

Та от сомнительного комплимента залилась ярко-алым румянцем смущения.

— Вам безмерно повезло, что с Хлоей на обход дома отправился не я, поскольку, поверьте, рука у меня еще тяжелее — ядовито проговорил Гилберт, появляясь вслед за Габриэль на пороге. Сделал глубокомысленную паузу и злорадно добавил: — Правда, сомневаюсь, что я разрешил бы ей в одиночку проверить ту комнату.

— Если бы моим противником были вы, то, уверяю, исход схватки оказался бы совершенно иным, — безмятежно парировал Лукас. Подумал немного и продолжил чуть тише, прежде украдкой взглянув на меня: — Да что там, будь в напарницах у Хлои девушка, не склонная выражать свой испуг криком, то все могло бы завершиться намного печальнее. Впрочем, я не в обиде. Мне уже не привыкать получать тумачи от прелестной найны. Надеюсь, на этот раз мои боевые раны заживут так же быстро, как и раньше. — И вновь с гримасой боли потрогал пострадавший затылок.

— А что ты вообще здесь делал? — не утерпев, оборвала я его полные затаенной печали стенания, воспользовавшись удобной паузой. — Знаешь, я готова была встретить в той злополучной комнате самого Альтиса, но уж точно не тебя.

— Я там отдыхал и набирался сил после утомительной дороги, — честно признался Лукас. — Видишь ли, я приехал ранним утром задолго до объявленного момента сбора остальных участников грядущей охоты. Мне предложили подождать в этой комнате до вечера. Я прекрасно понимал, что следующей ночью спать не придется, поэтому решил воспользоваться удобной возможностью и немного вздремнуть. Но мне досаждал дневной свет, а занавесок или внутренних ставней на окнах не было. Вот и воспользовался заклиниванием темноты и заодно заблокировал магический шар на случай, если кто-нибудь из слуг вздумает побеспокоить мой покой.

— Подожди! — взмолилась я, практически ничего не поняв из объяснений мага. Нет, о том, что он прибегнул к помощи колдовства, я догадалась и раньше без всякой посторонней помощи. Но что насчет остального? И я осторожно переспросила: — О какой охоте ты вообще говоришь? Кто и для какой цели тебя пригласил в дом моего отчима?

— Так, — обронил Лукас и очень нехорошо сощурился. Так нехорошо, что я невольно поежилась. — То есть ты не имеешь никакого понятия о том, что должно произойти в этом доме?

— Я вообще впервые слышу о том, что здесь должно что-то произойти! — воскликнула

я, уже изрядно утомленная этим странным разговором с массой непонятных намеков. — Меня и Анну пригласил сюда Вильгельм, сын Генриха Мюррея, моего отчима. Он сказал, что его отец при смерти и желает попросить у меня и сестры прощение за то, как сурово тот с нами прежде обращался. Если честно, я была далеко не в восторге от предполагаемой встречи и хотела отказаться от поездки, но Вильгельм пригрозил, что иначе отберет у меня Анну, ведь разрешение на опеку было дано мне на словах, а не оформлено надлежащим образом. Поэтому скрепя сердце я была вынуждена отправиться в это имение. В глубине души я лелеяла надежду на то, что Генрих заодно подпишет бумаги, подтверждающие полную передачу Анны под мою ответственность. Это впредь гарантировало бы мне отсутствие подобных неприятных сюрпризов со стороны родственников.

— А остальные что тут делают? — поинтересовался Лукас, при этом глядя в упор почему-то на Гилберта. Тот, к слову, совершенно спокойно выдержал взгляд мага, как-то загадочно при этом усмехнувшись.

— Я не могла разлучить Анну и Герду, — ответила я. — Это слишком жестоко, да и мне было бы тяжело в одиночку присматривать за сестрой. Гилберт, в свою очередь, был настолько любезен, что сам предложил свои услуги. Мы с ним решили, что Вильгельм вполне может что-то скрывать. Говоря откровенно, вел себя мой братец странно, даже очень. Да и путешествия поздней осенью порой бывают опасны. В любом случае было бы глупо отказываться от мужской помощи в подобной ситуации.

— А я просто решила прокатиться, — без спроса влезла в мои объяснения Габриэль, видимо, испугавшись, что иначе я могу поведать о вспышке ревности с ее стороны. С вызовом вздернула подбородок, глядя на Лукаса. — Или не имею права?

По губам мага промелькнула слабая улыбка, словно его чем-то позабавило самоуверенное заявление девушки, но он ничего не сказал ей. Вместо этого Лукас откинулся на спинку кресла и задумчиво потер подбородок.

— Значит, тебя пригласил Вильгельм, — пробормотал он себе под нос. — Твой сводный брат. Точнее сказать, даже вынудил приехать якобы для прощания с умирающим отчимом.

— Я в курсе, что он солгал, — сказала я и тяжело вздохнула, покосившись на Анну, которая увлеченно грызла яблоко. — Генрих уже мертв, не так ли?

Лукас изумленно вздернул брови, явно не ожидая от меня подобной прозорливости, но затем проследил за направлением моего взгляда и понимающе хмыкнул.

— Как вижу, дар твоей сестры продолжает совершенствоваться и поражать воображение, — заметил он.

— Да. — Я рискнула поднести ко рту бокал с вином, который грела между ладонями на протяжении разговора, но вовремя одумалась и не стала пить, даже более того — поставила обратно на стол. Мало ли что мог Вильгельм подмешать в напитки, раз уж обманом завлек меня в имение. После чего посмотрела на Лукаса и задала прямой вопрос: — Так что, собственно, здесь происходит? О какой охоте ты говорил?

Было видно, что Лукасу очень не хочется отвечать мне. Он с явным усилием поднялся с кресла, неполную минуту просто стоял, наверное, проверяя, не станет ли ему дурно от последствий удара, нанесенного по голове, затем неспешно прошелся вокруг дивана, на котором расположилась наша компания. Я наблюдала за его передвижениями по комнате, уже не пытаясь скрыть все возрастающего нетерпения и с волнением то сжимая, то разжимая кулаки.

— Я думаю, вам лучше покинуть имение, — наконец, проговорил он, вернувшись к той точке в пространстве, от которой начал свое путешествие, и облокотился на спинку кресла. — Слишком опасно оставаться здесь в преддверии скорой ночи. Вроде бы через пару миль на север по дороге есть постоялый двор, где вы сможете расположиться со всеми удобствами.

— Никто никуда не поедет, — внезапно оборвал его мужской голос.

Я повернула голову к новому участнику беседы и со злорадным удовлетворением увидела Вильгельма, который стоял на пороге гостиной. Попался, голубчик! Теперь тебе уж точно придется рассказать, что за игру ты затеял.

— Добрый вечер, господа и милые дамы, — любезно поздоровался Вильгельм, ни капли не тушуясь от обращенного на него всеобщего внимания. По-моему, ему, напротив, очень понравилось быть в перекрестии взглядов. Лицо моего брата то и дело озарялось радостной улыбкой, что, однако, не делало его внешность менее омерзительной.

— Что за представление ты тут устроил? — проворчала я, не испытывая ни малейшего пиетета перед предполагаемым величием момента приветствия. — Вильгельм, какого демона ты притащил меня и Анну в это проклятое имение?

— Что за выражения, сестренка! — нарочито возмутился Вильгельм и укоризненно зацокал языком. — Да, самостоятельная жизнь явно не пошла тебе на пользу. Разве может себя так вести девушка, принадлежащая к первому сословию?

— Уверяю вас, эта девушка может себя вести намного хуже, — с сарказмом буркнул себе под нос Лукас и с болезненной гримасой потрогал подушечкой большого пальца разбитую нижнюю губу, прежде не забыв лукаво подмигнуть мне.

— Что ты затеял? — продолжила я наседавать с расспросами на брата, не позволив разговору свернуть на обсуждение моей скромной персоны и моих многочисленных прегрешений перед обществом. — Генрих мертв не меньше месяца, и ты прекрасно об этом знал. Так зачем было тащить меня и Анну через всю Итаррию? Хочешь, чтобы мы возложили цветы к фамильному склепу рода Мюррей? Мог бы в таком случае не выдумывать столь слезливую и насквозь фальшивую историю о всеобщем прощении перед смертным одром!

— Ты в курсе, что мой отец мертв? — искренне удивился Вильгельм. Но тут же осекся, посмотрев на Анну, которая сидела тиши мыши, прижавшись к боку Герды. — А, понятно, мог бы сразу сообразить. Рад, что дар Анны не исчез со временем, чего я, признаюсь честно, опасался.

— А чему еще ты рад? — гневно спросила я. — Своему умению обманывать?

— Разве я хоть в чем-то обманул тебя? — спокойно поинтересовался Вильгельм, не дожидаясь, когда иссякнет поток обвинений. — Вообще-то, я ни слова не сказал о том, что отец еще жив. Я просто упомянул об его болезни, а остальное ты домыслила сама. По вполне понятной причине я не стал тебя разубеждать. Признайся, если бы я сказал правду, ты бы приехала сюда?

— Сначала скажи ее, эту правду, — ядовито посоветовала я. — Пока я знаю только о том, что Генрих умер. При каких обстоятельствах это произошло?

— Пожалуй, чахотку можно назвать родовым проклятием нашего семейства, — чуть повысив голос, произнес Вильгельм и подошел ближе к нашей компании. Немного поколебавшись, он опустил в одно из свободных кресел, сев так, что Лукас оказался от него по левую руку, а диван, на котором уже не оставалось свободных мест, — по правую, после чего продолжил: — И многие были склонны считать, что именно от этой болезни

умер мой отец. Многие, но не я.

На этом месте Вильгельм бросил на меня осторожный взгляд, но я не собиралась его прерывать, немало заинтригованная столь необычным началом рассказа. Пожалуй, стоит на время прикусить свой язычок, иначе мы еще долго не доберемся до сути. Мой сводный брат благодарно улыбнулся мне, словно прочитав мои мысли, затем продолжил:

— Если это была чахотка, то явно нетипичная. Всем известно, что эта болезнь редко убивает быстро. Обычно она тянется годами, выматывая до изнеможения повторяющимися приступами жертву. Она может затаиться на несколько лет, а затем нагрянуть вновь, когда бедняга уже полностью уверовал в свое выздоровление. А может терзать безостановочно месяцами. Но никогда она не убивает за неделю.

— Неделю? — переспросил Лукас, и тонкая вертикальная морщина прорезала его переносицу.

— Ровно семь дней мой отец лежал в лихорадке, сотрясаясь от страшного кашля, после которого на постельном белье оставались кровавые пятна. — Вильгельм словно не услышал его вопроса, впрочем, Лукас и не требовал ответа, скорее, выражал свое недоумение. — Это было страшно, Хлоя, действительно страшно. В первые дни болезнь еще давала ему краткие передышки, и тогда отец пытался приободрить меня. Он уверял, что вскоре придет в норму, был даже готов переехать на юг, где, по слухам, климат благоприятствует быстрому выздоровлению. А затем начался настоящий кошмар. Чахотка взялась за него всерьез, пытаясь вытрясти из тела остатки легких. В те редкие мгновения, когда кашель отступал, отец лежал на спине и плакал. Именно тогда он сказал мне, что жалеет о том, как поступил с тобой и Анной. Понимаешь, Хлоя, он искренне хотел попросить у тебя прощения. Но я не рискнул оставить его, опасаясь, что в таком случае пропущу последние мгновения его жизни и вернусь лишь к холодному трупу.

— Мне очень жаль, — тихо произнесла я. Что скрывать, от истории Вильгельма мне стало не по себе. Генрих не заслужил подобной смерти. В принципе, он был неплохим человеком. Самоуверенным, властным, жестким, но не жестоким. Все-таки по мере сил и возможностей он пытался выполнять необходимые обязательства по отношению ко мне, хотя это и не приводило его в восторг.

— Да, мне тоже жаль. — Вильгельм глубоко вздохнул и замолчал, погрузившись в какие-то воспоминания. Судя по тому, как при этом опасно заблестели его глаза, вряд ли они были приятными. Но пауза не продлилась долго. Спустя несколько минут он продолжил прежним размеренным голосом, словно перечислял мне список недавних покупок: — Так или иначе, мой отец умер, хотя за эту неделю у нас в гостях перебивали все местные целители и даже один столичный. Стоит ли говорить, что все их усилия ни к чему не привели? Стыдно признаться, но когда по прошествии этой невыносимо долгой и мучительной недели я зашел к отцу в спальню и понял, что он умер, то испытал облегчение. Он лежал на сбитых, смятых простынях и улыбался. Наконец-то из его глаз ушло выражение тоскливого ужаса, а грудь больше не сотрясалась от кашля. А дальше все завертелось так, как и положено. Я почти не участвовал в подготовке к похоронам. Я пил все эти дни, силясь заглушить боль утраты. Впрочем, от меня ничего и не требовалось. Все заботы на себя взяла сьерра Кайра.

Я невольно кивнула, показывая, что не забыла это имя. Всю жизнь, сколько себя помню, сьерра Кайра вела здесь домашнее хозяйство. Высокая дородная женщина, она умудрялась быть сразу же в нескольких местах одновременно. Я могла слышать ее громогласный голос

на кухне, где она распекала нерасторопную кухарку, а через мгновение встречала ее на третьем этаже, где она придирчиво изучала подоконники, выискивая на них следы пыли после недавней уборки. Кстати, странно, что она нас не встретила. Когда я покидала имение Мюррей полгода назад, Кайра еще была полна сил и не собиралась уходить на отдых. Хотя она и находилась в преклонном возрасте, но с прежней скоростью и легкостью взбегала в кабинет Генриха, спрашивая, нет ли у хозяина каких-либо особых пожеланий к ужину. Пожалуй, только ее присутствие в доме хоть как-то скрашивало мое безрадостное детство. Кайра не одобряла демонстративного безразличия ко мне со стороны Генриха, но открыто пойти против мнения хозяина не осмеливалась. Однако это не мешало ей украдкой подкармливать меня сладостями и иными способами хоть как-то облегчать бремя очередного несправедливого наказания. Впрочем, говоря откровенно, с момента приезда я вообще не видела в доме слуг, кроме того молчаливого гиганта, который помог мне с багажом. И это было очень странно. Неужели болезнь Генриха и безуспешные попытки его излечить настолько серьезно подкосили благосостояние рода Мюррей, что Вильгельм был вынужден отказаться от посторонней помощи? Да нет, вряд ли. Никогда не поверю, что смертельный недуг, продлившийся всего неделю, сумел разорить одно из самых состоятельных семейств Итаррии.

— Миновала неделя после ритуала погребения. — Сухой голос Вильгельма, в котором совершенно не улавливалось никаких эмоций, вернул меня из воспоминаний в суровую действительность. — Затем еще одна. А потом я сбился со счета дней. Мое алкогольное безумие продолжалось, благо что больше никто не мог призвать меня к ответу. Только Кайра как-то пыталась достучаться до моего здравого смысла, но все безрезультатно. Однако она не отчаивалась, с завидным постоянством заводя со мной душеспасительные разговоры и увещевая перестать гробить собственное здоровье. Это происходило каждое утро, пока я мучился от похмелья и жестоко страдал от любого громкого звука. И однажды во время очередной такой проповеди Кайра захлебнулась от приступа страшного кашля. Благо он не продлился долго. Как сейчас помню, с каким удивлением на лице Кайра отерла рот и долго изучала свой носовой платок. Впрочем, тогда я не придавал особого значения ее болезни. Подумал, что она просто простудилась. На дворе была середина августа, в наших краях уже зарядили дожди и царил весьма промозглая и неприятная погода. По крайней мере, этот приступ не позволил Кайре продолжить промывать мне мозги. И я поспешил воспользоваться удобной возможностью и вновь напился. К моему величайшему удивлению, на следующее утро меня никто не разбудил, хотя обычно это всегда делала Кайра. Я провалялся в постели до обеда, затем все же решил навестить домоправительницу и осведомиться об ее здоровье. Грызло меня смутное чувство беспокойства. Кайру я нашел в ее комнате. Бедняжку бил озноб, но самое страшное — она периодически сотрясалась в приступах подозрительно знакомого кашля. Естественно, я поспешил выкинуть эту мысль из головы, придумал себе подходящее объяснение по поводу слишком сильной простуды. Однако это был первый вечер со дня смерти отца, который я провел абсолютно трезвым. Нет, я пил, конечно, только не пьянел из-за волнения, в котором не смел признаться даже самому себе. То и дело я подкрадывался к дверям спальни Кайры и прислушивался к тому, что происходило за ними. А потом возвращался к себе, преисполненный ужаса и дурных предчувствий. Вновь и вновь я прикладывался к бутылке, надеясь, что моя тревога растворится в спасительном хмелю.

Вильгельм надолго замолчал, кусая тонкие губы. Удивительно, но сейчас он показался

мне даже симпатичным. Мягкий свет магического шара, плавающего под потолком, сгладил острую линию его чрезмерно выступающего вперед подбородка, приглушил лихорадочный блеск светлых глаз и пламенеющие на скулах пятна румянца.

— На третий день стало очевидно: Кайру постигло то же проклятье, что и моего отца, — наконец, негромко выдохнул он. — Бедняжка была уже не в состоянии встать с постели, но по-прежнему пыталась командовать слугами. И опять ко мне в дом потянулась вереница уже знакомых мне целителей. И опять они оказались бессильны. Наутро восьмого дня я обнаружил Кайру мертвой.

В гостиной после заявления Вильгельма воцарилась долгая мучительная тишина. Я с нескрываемым испугом посмотрела на Анну, которая, если судить по ее безмятежному виду, словно не слышала всей этой истории или же не понимала серьезности произошедшей трагедии. Моя сестренка задумчиво качала ногой, то и дело улыбаясь каким-то своим мыслям. А вот Герда в отличие от нее была явно встревожена. Она обменялась со мной быстрыми взглядами и горестно поджала губы. Гилберт и Габриэль тоже радостью не светились. Приятель недовольно катал по скулам желваки и кусал губы, в то время как его невеста нервно разглаживала несуществующие складки на своем платье. Один Лукас сохранял хотя бы видимость спокойствия. Оставалось только догадываться, какие эмоции бушевали на самом деле за маской невозмутимости, застывшей у него на лице.

— Были еще смерти? — первым оборвал затянувшуюся паузу маг.

— Три, если быть точным. — Вильгельм измученно усмехнулся. — Две горничные и конюх. Слуги начали брать расчет уже после гибели Кайры. После последнего происшествия в доме остался лишь я и Брион — тот слуга, который помогал сегодня выгружать ваши вещи. К слову, именно ему пришлось везти тело конюха в здешний храм для совершения необходимых ритуальных действий, поскольку сам священник наотрез отказался пересекать порог нашего дома. Впрочем, его сложно обвинить в трусости, не правда ли? Мало бы кто на его месте отважился на такой подвиг.

— Получается, в доме бушует некая смертельная зараза, от которой нет спасения, — медленно начала я, чувствуя, как внутри все закипает от злости. — Но, несмотря на это, ты все-таки чуть ли не насильно притащил сюда меня и Анну, не говоря уж об остальных. Зачем? Решил отомстить таким образом и убить нас?

Последнюю фразу я едва ли не выкрикнула в полный голос. Наверное, еще бы немного, и я бы вскочила со своего места и надавала бы тумачков самодовольному братцу, на лице которого не было написано и тени сомнений в правильности собственного решения.

— Хлоя, — негромко обронил Лукас и искоса глянул на меня. — Успокойся.

Я несколько раз глубоко вздохнула, пытаюсь взять разбушевавшиеся нервы под контроль. Схватила со стола бокал вина и пригубила его, смачивая пересохшие губы. Но все же какой же гад мой братец! Я даже не представляла, что его ненависть ко мне распространяется до таких немыслимых пределов.

— У меня и в мыслях не было убивать тебя или Анну, — между тем примирительным тоном проговорил Вильгельм. — Просто чем дольше я рассуждал над всем происходящим, тем больше мне казалось, что губительный недуг, бушующий в стенах моего дома, имеет скорее магический характер. Иначе почему не заразились абсолютно все слуги? Почему не пострадал никто из целителей, которые более чем тесно общались с заболевшими? Почему, в конце концов, остались в живых я и Брион?

— Все люди разные, и здоровье у них разное, — негромко заметил Гилберт. — Вы

вполне можете обладать врожденным иммунитетом к тому, что погубило вашего отца.

— Иммунитетом? — недоуменно переспросил Вильгельм, и его переносицу разломил глубокая вертикальная морщина. Видимо, это слово было ему незнакомо.

Я не сумела удержаться от ядовитой усмешки. Н-да, мой братец никогда не отличался любовью к чтению или учебе. Поэтому не удивлюсь, если он действительно не знает смысл этого слова.

— Это так называемая врожденная невосприимчивость к болезням, — снисходительно обронил Гилберт, но вдаваться в более подробные объяснения не стал, понимающе переглянувшись со мной и спрятав в уголках губ такую же улыбку превосходства.

Вильгельм заметил наш быстрый обмен взглядами. Его лицо исказила гримаса гнева, но он быстро совладал с этой вспышкой. Откинулся на спинку кресла и упрямо выставил вперед подбородок.

— Запомню на будущее, когда захочу блеснуть в обществе перед прекрасными дамами своими никому не нужными познаниями, — презрительно фыркнул он. — Но все-таки я считаю, что у болезни магический характер. Кто-то проклял этот дом!

— И при чем тут мы? — Только боги знают, чего мне стоило то спокойствие, с которым я продолжала расспросы. Больше всего мне хотелось зашипеть, словно разъяренной кошке, и вцепиться ногтями в лицо своего сводного брата, расцарапывая его в кровь. Как он мог так поступить?! Как смел он поставить под удар меня и Анну? Ладно, пожалуй, я была бы на него даже не в обиде, если бы он завлек в западню только меня. Между нами всегда царила взаимная неприязнь, порой переходящая в откровенную ненависть. Но Анна? В ее жилах ведь течет кровь рода Мюррей. Почему он так поступил с ней?

— Ты понимаешь, что теперь все мы находимся в смертельной опасности? — Удивительно, но я не сорвалась на крик, хотя мой голос опасно булькал и дрожал. — Даже если ты прав и Генрих погиб из-за насланной на дом порчи, то это не отменяет того факта, что недуг может перекинуться на любого из нас! И это подтверждается тем обстоятельством, что после Генриха погибло столько людей, практически не имеющих отношения к роду Мюррей!

— Значит, в ваших интересах как можно скорее разобраться в происходящем, — огрызнулся Вильгельм, видимо, не испытывая ни капли раскаяния, не говоря уж об угрызениях совести.

— Что ты имеешь в виду? — переспросила я, уже понимая, куда клонит этот мерзавец.

Вильгельм, этот противный гадкий крысеныш, расплылся в донельзя отвратительной усмешке. Затем перегнулся через стол, разделяющий его кресло и диван, на котором я сидела, и вкрадчиво прошептал, глядя мне прямо в глаза:

— Хлоя, неужели ты не поняла? На самом деле из всей вашей компании мне нужна только Анна. Просто я догадывался, что одну ты ее все равно не отпустишь, вот и пришлось согласиться на приезд такого количества народа. Но в принципе так даже лучше. Чем больше людей в доме, тем быстрее недуг сразит кого-нибудь из вас. А Анна... О, я надеюсь, что ее дар общения с мертвыми поможет разобраться, куда ведут ниточки проклятья.

— Ее дар? — Я с такой силой стиснула бокал с вином, о котором совсем позабыла за время разговора, но продолжала сжимать в руках, что едва не раздавила хрупкий хрусталь. Правда, практически сразу опомнилась и немного расслабила пальцы, исподлобья следя за каждым движением Вильгельма, словно дикий зверь, готовый в любой момент кинуться в атаку. — Ты же никогда не верил в ее дар!

— Делал вид, будто не верил, — лениво поправил меня Вильгельм. — Ты ведь и сама прекрасно знаешь, что не верить ей нельзя. Один взгляд в ее бездонные синие глаза, когда она толкует про мертвых, стоящих за твоей спиной, — и волосы у тебя на голове сами собой встают дыбом. Вот пусть ее талант на этот раз послужит во благо. Ей нравится его демонстрировать. И на сей раз я не собираюсь мешать сестренке. Хочет поболтать с призраками — да, пожалуйста. Им обычно известно куда больше, чем живым. Поди, не откажется помочь брату.

Я закатила глаза и приглушенно зарычала. Нельзя было передать словами, как сильно в этот момент я ненавидела Вильгельма и как сильно мне хотелось придушить его собственными руками.

— Хлоя, — в очередной раз подал голос Лукас, который все это время предпочитал не вмешиваться в беседу, наблюдая за ее ходом со стороны. — Спокойнее.

— Ни я, ни Анна больше ни на миг не останемся под крышей этого дома! — с решимостью провозгласила я и встала. — Мы немедленно уезжаем!

— Правда? — Вильгельм тоже встал и нагло осклабился прямо мне в лицо. — Рискни — и завтра же Анна вернется сюда. И вернется в полном одиночестве, поскольку я официально стану ее опекуном!

Герда жалобно охнула от столь жестоких слов негодяя и машинально прижала к себе Анну, словно ее уже отнимали у нее.

— Решай сама, Хлоя, — с глухой угрозой в голосе продолжил Вильгельм, которого не тронула эта сцена. — Ты и твои друзья, конечно, можете уехать. Я не собираюсь удерживать кого-либо из вас силой. Но Анна останется при любом раскладе. Готова лишиться сестру малейшей защиты и помощи?

— Сволочь, — процедила я сквозь зубы. — Какая же ты мерзкая гадина!

— Не такая уж я и гадина. — Вильгельм оскорбленно фыркнул. — Во-первых, я даю тебе выбор. А во-вторых, я пригласил в дом настоящего мага, специализирующегося на проклятьях, хотя, не скрою, это стоило мне немалых денег. Он поможет Анне. Полагаю, вдвоем им не составит особого труда найти истинного виновника всех этих смертей.

И Вильгельм легким движением руки указал на Лукаса, показывая, что имеет в виду именно его.

— Стоит заметить, со мной вы тоже не были полностью откровенны, когда предлагали эту работу, — проговорил Лукас. — По вашим словам выходило, что в доме будет происходить охота за зловредным призраком, который никак не может полностью упокоиться и продолжает исподтишка делать гадости своим потомкам. А оказывается, речь идет о смертельном недуге. Вам не кажется, что это несколько разные вещи?

— Прошу прощения за обман. — Вильгельм равнодушно пожал плечами. — Но все те маги, с которыми я общался насчет обезвреживания возможной порчи, не горели желанием приехать сюда и на месте справиться с проклятьем. Видимо, опасались, что болезнь поразит их до того, как они разберутся с происходящим. Поэтому я решил немного схитрить. Надеюсь, вы не в обиде.

— В обиде ли я? — Голос Лукаса стал еще холоднее, и я невольно поежилась. — Вы даже не представляете, как сильно я зол на вас.

— Я трепещу от ужаса. — Вильгельм издевательски хихикнул. — Что же, вас никто в доме насильно не удерживает. Если желаете — уезжайте. Но что-то мне подсказывает, что вы останетесь. И это что-то отнюдь не деньги, не так ли?

И он с намеком посмотрел на меня. Я изумленно вскинула брови от столь явной демонстрации того, что мой сводный братец в курсе моего знакомства с Лукасом. Откуда Вильгельм знает про наши отношения? Я всегда считала, что солнечный Аерни достаточно далеко от этих проклятых болот, поэтому можно не беспокоиться о назойливом внимании со стороны так называемых родственников. Получается, я ошибалась?

Лукас не удержался и удивленно хмыкнул, показывая, что для него странная осведомленность Вильгельма тоже стала откровением. Надо же, а мой братец, по всей видимости, тщательно продумал эту западню. А я прежде и не подозревала, что он способен на столь изощренное коварство, искренне полагая, что от него следует ожидать лишь мелких гадостей. Что же, буду знать теперь.

— А я все равно считаю, что нам надо уехать! — неожиданно подала голос Габриэль и стукнула по столу маленьким остреньким кулачком, тем самым привлекая к себе всеобщее внимание. — Мы были в доме всего несколько часов. Вряд ли кто-нибудь успел заразиться. И потом...

Увы, завершить фразу девушка не успела. В следующее мгновение ее внезапно согнул пополам приступ жестокого лающего кашля, от которого слезы брызнули у нее из глаз.

При виде этого мое сердце отчаянно заколотилось от дурного предчувствия. Судя по побледневшим от волнения лицам остальных участников этого разговора, страшная мысль пришла в голову не только мне.

Наконец, Габриэль прекратила кашлять и дрожащей рукой отерла рот. Круглыми от ужаса глазами уставилась на свою ладонь, испачканную чем-то красным.

— Ну вот, — в полнейшей тишине прозвучал самодовольный голос Вильгельма, который даже не попытался скрыть радости от произошедшего. — Думаю, это новое обстоятельство прекратит наш спор. По-моему, теперь всем очевидно, что о вашем отъезде не может быть и речи.

Часть вторая. Приманка для демона

Я стояла около крохотной прорези окна, за которым плескалась непроглядная тьма позднего осеннего вечера, наполненного шуршанием унылой мороси, и думала. В стекле, усыпанном мельчайшим кружевом дождя, отражался плавающий за моим плечом слабый огонек магического шара, рискующего в любой момент навсегда потухнуть, наконец-таки исчерпав до дна свой энергетический запас. Дыхание оседало белесым облачком на воротник платья, но я почти не чувствовала холода. Наверное, стоило бы накинуть пальто, но я оставила его в жарко натопленных комнатах второго этажа, а сама сейчас находилась в ледяной спальне, выделенной мне для проживания.

Дело было в том, что я сбежала ото всех, предпочтя на некоторое время удалиться в полумрак и холод третьего этажа. Там, внизу, сейчас было слишком шумно, и от этого у меня разболелась голова.

Я невольно вернулась мыслями к тому моменту, когда бедняжка Габриэль невольно продемонстрировала первые признаки страшного недуга, каким-то неведомым способом успевшего поразить ее. Первое мгновение после наглого заявления Вильгельма царила такая полная вязкая тишина, что, казалось, ее можно было есть ложками. А затем началось настоящее столпотворение. Первым очнулся Гилберт. Одним прыжком он преодолел пространство, разделяющее его и Вильгельма, и самым прозаическим образом врезал моему сводному брату по лицу. Дерущихся разнял Лукас, который прибавил к своим ссадинам парочку новых синяков. Вильгельм, воспользовавшись удобным случаем, постыдно сбежал, прижимая к разбитому носу носовой платок. А наша компания переместилась на второй этаж, где сейчас шло бурное обсуждение той неприятности, в которую мы угодили.

Я прижалась пылающим лбом к холодной раме, крепко зажмурилась и тихонько застонала. Что скрывать, я чувствовала себя виноватой в произошедшем. Мне было даже страшно подумать о том, что Габриэль, по всей видимости, обречена. Если она умрет, то я никогда себе этого не прощу! Не надо было никого брать в эту поездку. Я и только я виновата в том, что Гилберт решил сопровождать нас, а следом потянулась и Габриэль, мучимая безосновательной ревностью. Я обязана была предвидеть то, что Вильгельм затеял что-то нехорошее. Кому, как не мне, знать его гадкий характер.

Не открывая глаз, я застонала еще раз, чуть громче. Первая слезинка прочертила горячую влажную дорожку по моей щеке.

— Хлоя? — неожиданно послышался позади даже не шепот — полувздох, и слабый ветерок погладил меня по коже.

Я вздрогнула и стремительно обернулась. Замерла, напряженно вглядываясь в полутьму, скрывающую углы просторного помещения. Показалось?.. Нет, вроде бы около стены действительно засеребрилось нечто, отдаленно напоминающее силуэт человека.

— Хлоя? — в следующее мгновение раздалось уже громче, и на светлом прямоугольнике распахнутой настежь двери, ведущей в коридор, нарисовалась чья-то темная фигура. — Ты здесь?

Призрачное облачко после этого вторжения развеялось в мгновение ока, словно просто почудилось мне. Однако я готова была поклясться, что на самом деле слышала голос матери. Возможно ли это? Ведь у меня нет и никогда не было дара, подобного тому, которым обладает моя сестра.

[Купить полную версию книги](#)